

ПРОРЫВ

№ 1 (7)
2004

ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Гимн Коминтерна

Заводы, вставайте! Шеренги смыкайте!
На битву шагайте, шагайте, шагайте!
Проверьте прицел, заряжайте ружье?
На бой пролетарий за дело свое!
На бой пролетарий за дело свое!

Огонь ленинизма наш путь освещает,
На штурм капитала весь мир поднимает!
Два класса столкнулись в последнем бою;
Наш лозунг - Всемирный Советский Союз!
Наш лозунг - Всемирный Советский Союз!

Товарищи в тюрьмах, в застенках холодных
Вы с нами, вы с нами, хоть нет вас в колоннах,
Не страшен нам белый фашистский террор,
Все страны охватит восстанья костёр!
Все страны охватит восстанья костёр!

На зов Коминтерна стальными рядами
Под знамя Советов, под красное знамя.
Мы красного фронта отряд боевой
И мы не отступим с пути своего!
И мы не отступим с пути своего!

ЧИТАЙТЕ

В ЭТОМ НОМЕРЕ

КОММУНИЗМ *В. Подгузов*

И ФИЛОСОФСКАЯ ФОРМА
ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

СТР. 2 - 17

ПАМЯТИ *Г. Баммель*

ИОСИФА ДИЦГЕНА

СТР. 18 - 29

К ВОПРОСУ О *С. Зубатов*

ТЕРМИНОЛОГИИ. СВОБОДА

СТР. 30 - 34

ПРАВИЛЬНАЯ *В. Новак*

ПОЛИТИКА-

ПРИНЦИПИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

СТР. 34 - 39

А. Каллистов
С ПРАЗДНИКОМ,

«ДОРОГИЕ РУССИЯНЕ»!

СТР. 40 - 43

ПОЗИЦИЯ
ИРАКСКОЙ КОМПАРТИИ

СТР. 44- 47

М. Баранов, В. Журавель

К ВОПРОСУ О

«ПРЕВЕНТИВНОЙ ВОЙНЕ»

СТР. 48- 52

МИФ О

А. Каллистов

СТАБИЛИЗАЦИИ

СТР. 53 - 55

КОММУНИЗМ И ФИЛОСОФСКАЯ ФОРМА ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

В. Подгузов

ЧТО РАНЬШЕ? КУРИЦА ИЛИ ЯЙЦО?

Как известно, философию порой называют «наукой наук». Поэтому многие думают будто науки отпочковались непосредственно от философии. Эта иллюзия усиливается тем, что, действительно, патриархи философии в своих трудах довольно основательно затрагивали проблемы математики, механики, физики, астрономии, логики и «поэтому» у читателей складывалось ошибочное впечатление, что философия первоначально была суммой наук. **Т.е. энциклопедическую образованность некоторых прославленных древних философов, глубоко освоивших практически все современные им знания, частенько воспринимают как доказательство первичности философской формы общественного сознания и вторичности локальных наук.**

Однако археология и историческая науки свидетельствуют, что человечество располагало достаточно глубокими механико-математическими, инженерными, архитектурными, гидрологическими, гидродинамическими, хронометрическими, астрономическими, геодезическими, медицинскими, юридическими, геологическими, технологическими и другими безусловно **научными** познаниями (порой ставящими в тупик современных ученых), **задолго** до появления «первофилософов», чьи труды, впоследствии, и были отнесены к числу философских. Но некоторые народы, создав рукотворные «чудеса света», свидетельствующие об их высоких достижениях во всех перечисленных «точных» науках, ... исчезли.

Как будет показано ниже, именно в неразвитости философских традиций и кроется важ-

нейшая причина того, что некоторые «цивилизации» эпохи рабовладения (шумерская, финикийская, египетская) исчезли практически бесследно. Но там, где философская форма сознания укоренилась (например, в Риме), там олигархи своевременно меняли философско-религиозные концепции и поэтому сохранили свою «цивилизацию», а благодаря Ватикану, и некоторую власть над значительной частью мира. Рим потому и называют «вечным городом», что его «элита» (в зависимости от эпохи) ставила себе на службу то рабовладельчески-имперскую, то католически-христианскую, то просто фашистскую, то республиканско-демократическую **философию**.

Попутно следует заметить, что нет демократа, который бы не восхищался «культурой» и философией **рабовладельческой** эпохи.

В силу перечисленных обстоятельств можно утверждать, что научно-теоретическое общественное сознание прошло и пройдет ещё в своем развитии три основных этапа: **1. дофилософский** (бессистемное собирательство, наивный материализм, рефлекторная диалектика), **2. философский** (схематика спекулятивная и добросовестная [мистическая, метафизическая, механистическая], поверхностный энциклопедизм, идеалистическая диалектика, вульгарный материализм, диалектический материализм) и **3. постфилософский** (энциклопедический научный универсализм, т.е. научный коммунизм), когда диаматическое мышление станет достоянием масс (подобно тому как в XX веке навыки письма и устного счета, впервые в истории человечества, стали доступны, сначала, подавляющему большинству населения СССР, а уж потом и т.н. «цивилизованных стран»).

Переходы от этапа к этапу не «дни рождения». Продукты предыдущих этапов не исчезают бесследно. Они, конечно, постепенно теряют связь с практикой, оседают в архивах, но

время от времени «экспугмируются» реакционными политиками. В связи с этим второй этап нельзя считать завершенным, а третий этап, естественно, еще только пытается вступить в свои права. Некоторые реакционные и мистические философии второго этапа до сих пор имеют искренних поклонников, а поражения, понесенные коммунистическими партиями многих стран в конце двадцатого века, свидетельствуют, что диаматическая философия так и не была освоена даже в удовлетворительном объеме и партийными функционерами, и партийными массами.

Но вместе с неизбежным и окончательным отмиранием мистических и спекулятивных философских учений второго этапа, т.е. превращением их в **осознанное** недоразумение, произойдет окончательное угасание инстинктов стадной психологии в сознании людей, закончится предыстория и начнется собственно история Человечества, в которой **ОСОЗНАННЫЕ социальные связи КАЖДОЙ Личности со ВСЕМ Человечеством будут подобны (но, естественно, не конгруэнтны) физиологическим связям клеток в едином живом организме. Перерождение социальных «клеточек» в злокачественную асоциальную «опухоль» будет исключено абсолютизмом научно-теоретического уровня общественного сознания и гармоничным развитием каждой личности.**

ФИЛОСОФИЯ С ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Дофилософский этап распадается на два очевидных периода: а) период господства донаучного (обыденного) и б) период становления научно-фрагментарного мышления.

Современные этнографические исследования, проводимые в племенах, ведущих первобытный образ жизни в Африке, Австралии и Америке, доказывают тривиальную, в общем-то, истину: **большую часть своей истории человечество «прошагало», вообще не имея в руках «посоха», который впоследствии был назван НАУКОЙ, а потому и двигалось от безмятежности к драме и трагедии, а от нее к апокалипсису.** Войны XX века и самоубийственный запас оружия массового уничтожения

людей в США, нарастание волн терроризма в мире доказывают, что не только первобытные племена, но и все некоммунистические и антикоммунистические «племена», населяющие планету, до сих пор не поднялись до господства научно-теоретического уровня общественного сознания.

На заре человечества знания людей об окружающем их мире представляли собой адекватное, но поверхностное и бессистемное множество фрагментарных представлений довольно узкого перечня. Специфика местных почвенно-климатических условий диктовала формы труда для производства средств существования, а вместе с племенным обособлением и разделением труда естественным образом происходило накопление отрывочных знаний. Например, географические познания кочевых племен были недоступны людям, ведущим оседлый образ жизни, а агротехнические знания были неизвестны кочевникам. Житель лесов обладал «лесными» знаниями, житель гор – «горными». Появление каждого нового навыка сопровождалось появлением нового знания и наоборот. Но каждое новое знание, например, о способах добывания огня, тысячелетиями существовало или в мистическом, или в умышленно засекреченном виде, что и явилось одной из исторических предпосылок появления современного секретного делопроизводства практически во всех отраслях человеческой деятельности.

Первоначально человечество овладело научными знаниями о наиболее явных, бросающихся в глаза, **земных условиях ВЫЖИВАНИЯ**, о конструктивных и деструктивных **физических** силах природы и их влиянии на жизнь людей. Многие тысячелетия **интеллектуальные и социальные потенциалы человеческих сообществ** не были предметом исследования вообще, хотя господствовало инстинктивное осознание того, что **ВНЕ ПЛЕМЕНИ ВЫЖИТЬ НЕВОЗМОЖНО**. Люди той эпохи усвоили лишь одну социальную истину той эпохи: чем многочисленнее племя, тем выше гарантия выживания индивида. Изгнание из племени было равносильно смертному приговору. Потому даже приношение соплеменников в жертву богам, воспринималось, подчас, самой жертвой, как нечто разумное. Но члены «чужих» племен, не выделялись из биосферы и при случае являлись таким же предметом охоты, потребления и жертвоприношения, как и прочие биологические объекты. Каннибализм, как доказала археология,

имел повсеместное распространение.

Но, как бы ни был примитивен уровень развития «троглодитов», этнографы, исследующие современные первобытные племена, констатируют, что, даже на этой стадии организации общества, люди различаются по степени развитости интеллекта в той мере, в какой тот или иной субъект интеллектуально трудолюбив или ленив, психически здоров или преднамеренно лишен возможности заниматься умственной работой.

Умственное различие субъектов раскрывается, как показала историческая практика, в двух вариантах: (1.) люди, проявившие в гениальном донорстве, в реализации своих талантов по предназначению, т.е. люди пишущие музыку, слагающие стихи, открывающие законы природы, конструирующие технику, координирующие творческие потенции людей в интересах прогресса всего общества и таким образом непреднамеренно прославляющие себя в веках (Бруно; Ян Гус, Рембрандт, Моцарт, Гегель, Маркс, Толстой, Ленин, Шолохов, Дзержинский, Макаренко, Сталин, супруги Розенберг, Курчатов) и (2.) люди. Проявившие себя в беспредельной ацепции, в нарцицизме, паразитизме, в эксплуатации, т.е. люди посвятившие подавляющую часть своих природных задатков тираническому возвышению над обществом, концентрации в своих руках власти ради подавления в людях личности, ради унижения ближнего или ради личных материальных и интеллектуальных излишеств (Мидас, Герострат, Калигула, Гитлер, Сахаров, Яковлев, Новодворская, Вишневская, Растропович, Ельцин, Гейтс, Абрамович, Чубайс).

На ранних стадиях развития родо-племенного строя именно наличие в сообществе умственно более развитых особей, **первоначально за счет возраста**, привело к возникновению института «совета **старейшин**». Возрастной фактор становления личности привел к утверждению ритуалов посвящения «мальчика в мужчину», в ранг «охотника», «воина», введения возмужавшего отрока в категорию «ближайшего наследника». На основе первобытных методов «тестирования» практикой, произошло разделение племени на лиц преимущественно умственного и лиц преимущественно физического труда, мягко говоря, на управленцев и физических исполнителей.

Анализ практики жизни современных племен показывает, что в советы старейшин, а за-

тем и на посты вождей, избирают, прежде всего, тех, кто проявляет более высокие умственные способности. Их неформальный авторитет неизмеримо выше авторитета любого из современных президентов, главным «талантом» которых является величина избирательного фонда и использование «компромата». По крайней мере в первобытных племенах не было случая, чтобы в совет старейших попали преступники, алкоголики или совет старейшин разгоняли так, как ельциноиды «распустили» безмозглый Верховный Совет СССР, а в 1993 г. низкопробный Верховный Совет РСФСР, как грузины в 2003 г. разогнали парламент «имени Шеварднадзе» и т.д.

Навязанная человечеству уже на первобытной стадии, передача управленческого поста, а затем и власти **по кровному** признаку, объясняется не генетической предрасположенностью сына вождя племени к власти, не столько экономической выгодой от сохранения власти над племенем в руках одного рода, сколько осведомленностью наследника, приобретенной, как путем личного наблюдения за управленческой деятельностью руководящего предка, так и в результате целенаправленного «натаскивания» отпрыска при помощи «стажировок». Вождь, подобно любому ремесленнику, передает управленческие знания и навыки своему сыну. Естественно, что этот механизм, как и демократия, **не гарантирует** общество от идиота «на троне», но то, что наследников целенаправленно готовят «к хождению во власть» и, как правило, «бразды правления» передают **старшему** наследнику - бесспорная тысячелетняя практика. И если кто-то видит **принципиальную** разницу между, например, методикой «посаждения на трон» Николая II, Алиева-младшего или Буша-младшего, тот патологический верхогляд.

Возникновение института власти вообще и экономические выгоды, вытекающие из закрепления власти «по наследству», не могли не породить области знания, в которой концентрировался **МАКСИМАЛЬНО** доступный круг сведений об условиях жизни, деятельности человеческих сообществ, о приемах сохранения власти, об экономических источниках благосостояния племенной верхушки, о «международном» окружении, о географии, астрономии и т.д. Т.е. институт передачи опыта управления требовал от отца уже не только фиксации фактов, но и умения описывать явления при помощи слов, выстраивать словесные «цепочки» из фактов в

той же сущностной последовательности и разветвленных связях, в каких на практике развивались события, приведшие к желаемому результату.

По мере роста оседлости, т.е. роста производительности труда, но при низкой общей культуре человечества, начал проявлять себя и эгоизм института частной собственности на материальные ценности и интеллектуальные навыки. На этой основе углублялось материальное, интеллектуальное внутриплеменное **расслоение**. В силу этого не могло не возникнуть суждения, рожденные бросающимися в глаза контрастами, противоречиями как в уровнях интеллектуального развития людей, так и в результатах их практических действий.

Нарастающая конфликтность общества требовала от людей уже не только умения обогащать индивидуальную память знаниями, не только систематизировать их, выявлять причины **контрастности** людских познаний и ролей в обществе, но и открывать наиболее рациональные **пути движения мысли** от незнания к знанию, от заблуждения к истине, от поверхностных суждений к постижению сущности явлений, от следствия к причине. Поиск законов мышления, т.е. **логики**, приносящей успех, превратился в обязательную функцию самого мышления.

Зачатки логики, заложенные в сознание физиологически здорового человека, как дар природы и эволюции, превратились в предмет исследования. Человек перестал довольствоваться созерцанием отражения своей физиономии «в зеркале воды». Он стал исследовать «потёмки» своего **внутреннего** мира. Люди, уже достигшие определенного положения и авторитета в обществе, стали задаваться вопросом: почему у разных людей по одному и тому же вопросу возникают потивоположные суждения. Почему одни становятся победителями, другие - побежденными.

Когда же интеллектуальные контрасты нашли свое законченное выражение в вопиющих материальных контрастах, т.е. утвердился рабовладельческий способ производства, у олигархической прослойки возникла уже не потребность, а крайняя **необходимость** в осмыслении предпосылок и, главным образом, практических **гарантий**, позволяющих укреплять полюс роскоши и наслаждений в обществе за счет роста полюса нищеты. В этих условиях размышления о законах мышления и законах жизни общества

перестали быть формой досуга. Логически надежное мышление превратилось в жизненную необходимость для властителей и их ближайшего окружения.

По мере дальнейшего развития производительности труда и накопления прибавочного продукта в руках первоолигархов, последние приобрели экономическую возможность содержать не только специалистов различных областей знаний (медицины, экономики, архитектуры...), но и тех, кто оказался способным **выявлять и обобщать** объективные, существенные, повторяющиеся **связи**, т.е. **законы** жизни общества в целом, давать рекомендации, позволяющие получать от рабовладельческого, т.е. классового устройства общества, растущие материальные и эстетические излишества. Чтобы качественно судить о законах развития всего общества, необходимо было изучить практически все достижения научной и социальной практики. Нарастающая конфликтность, противоречивость, и скоротечность общественных процессов, их опосредованность, все более настоятельно требовали относиться к их осмыслению, как к сложнейшей спекулятивной профессии. Знания о способах стабилизации общества, раздраемого противоречиями, уже не могли развиваться за счет одной лишь наблюдательности. Мыслители должны были познавать объективные законы развития общественного сознания, чтобы **НАДЕЖНО** навязывать раздраженным массам тупиковое, т.е. «новое» мышление.

Лица, преуспевших в толковании фактов общественного бытия, в предвосхищении событий, стали называть мудрецами. **Умение** рассуждать универсально мудро по наиболее **широким** и **общим** проблемам, **масштабным** стратегическим вопросам общественного бытия, стали называть **любомудрием** или, по-гречески, **ФИЛОСОФИЕЙ**.

Так входил в свои права **второй этап** развития форм общественного сознания – **философский**. Но на первых порах, становление философа оставалось пока инициативным частным делом самого любителя «мудрых речений».

Ясно, что высокого уровня интеллектуального мастерства индивид может достичь лишь тогда, когда с него снята проблема физиологического выживания, за пределами физических трудовых нагрузок. Это отлично понимали уже авторы «Ветхого завета», возведя **производительный труд** в ранг божьего проклятия. Показательно, что наибольший массив претенден-

тов на звание философов сформировались не в хижинах, а в «прихожих» дворцов. Большинство «философов» прикармливалось у господских столов и там же целеполагалось, а потому, с самого начала, искренно служило рабовладению. (См.: платоновское «идеальное государство», аристотелевскую «Полисию»). Чтобы латифундии господ были еще более комфортным местом обитания философов, необходимо было, чтобы рабы, т.е. кормильцы и поильцы олигархов не только не догадывались о людоедской сущности эксплуататорского общества, но и **боялись** размышлять на эту тему. Философы очень рано правильно оценили факт противоположности **веры** и **знания**, навязав веру (вместе со страхом) рабам и поставив знание (вместе с пресыщенностью) на службу их хозяевам.

По этой причине философия наиболее интенсивно развивалась не в храмах науки, а в религиозных храмах, прежде всего, в виде теологий различной этиологии. Позднее европейская например, инквизиция бескомпромиссно боролась за то, чтобы философия вообще никогда не выходила за рамки теологии. Долгие века, каждый, кто даже случайно нападал на следы действия естественных законов (астрономических, физических, химических) имел дело с инквизицией, т.е. с дыбой и костром. Поэтому, например, Ньютон и Гегель, как люди безусловно умные, изображали из себя верующих в бога, в «абсолютный дух», чтобы обнародовать открытые ими объективные законы природы, общества и мышления (отрицающие бога), и при этом не подвергаться нападкам со стороны клерикалов.

Официальные философы эпохи классового деления общества усердно и довольно плодотворно исследовали вопросы приведения содержания религиозных догм в соответствие с уровнем развития экономики, науки, просвещенности масс, чтобы сохранить классовое деление общества. Когда же философы убеждались, что старые религиозные догмы все-таки утрачивали свой авторитет, то одни философы поднимались на защиту этих догм, а другие брались за создание новых религиозно-философских схем, выгодных нарождающему господствующему классу. Нельзя сбрасывать со счетов и того объективного факта, что новые религиозные «системы» рождались на основе элементарной конкуренции «пророков» за приношения прихожан. Возникновение, вместо многобожия язы-

ческого, многобожия конфессионального, т.е. буддизма, христианства, магометанства и их многочисленных ответвлений и сект - тому подтверждение. Как показала практика, мобилизация конфессий на осатанелую бескомпромиссную борьбу друг с другом сулит религиозным вождям барыши, как правило, большие, чем торговля свечами.

Человечеству еще предстоит восхититься изобретательной наглостью ближневосточных философов, обобщивших народные сказки в «Ветхий завет» и «концепцию» сотворения Мира, нахальству философов-диссидентов «второй волны», создавших «рукописи Мертвого моря», множество вариантов евангелиев «Нового завета», написавших «Коран», наконец философов-диссидентов «третьей волны», сформулировавших религиозные принципы протестантизма, эксплуатировавших феномен веры в интересах нового, только нарождающегося класса буржуа.

Философы время от времени выявляли необходимость смены религиозных догм. Главное состояло в том, чтобы сохранить, с одной стороны, монополию философов на **логическое мышление**, а с другой стороны, **мистическое мышление** как преобладающую форму сознания **масс**, предназначенных для эксплуатации. Однако развитие технологий и точных наук в нарастающем темпе демонстрировало нарастающую «посюсторонность», стихийную логичность массового человеческого мышления, отсутствие необходимости прибегать к мистическим объяснениям проблем бытия. Иначе говоря, наука и технологии оставляли все меньше места для мистической идеологии, навязанной идеалистической философией.

Поэтому вполне естественно, что в русле этой, неблагоприятной для религии, тенденции, основным вопросом философии «назначили» вопрос о **соотношении материи и духа, о том, что первично, что вторично и, в конце концов, познаваем ли мир**. Иными словами, в противовес естественному стремлению масс к счастливой земной жизни, прикормленные философы столетиями старались **НАВЯЗАТЬ** обществу заклинание о первичности «духа», о непознаваемости мира, о релятивизме, т.е. относительности наших познаний, но лишь для того, чтобы продлить историю излишеств и пресыщенности олигархической прослойки господствующего класса и их ближайших адвокатов - философов.

Но этот полюс со времен рабовладения имел своё «подножие» и «вершину», «небожителей» и «претендентов» и, следовательно, был неприемлемо конкурентен. В борьбе за обладание вершиной излишеств и похоти олигархи непрерывно развязывали гражданские войны, плели дворцовые интриги и «мочили» друг дружку. Поэтому философам приходилось **теоретически** решать проблемы внутренней устойчивости не только полюса аристократического «счастья», но и всего общественного устройства и поэтому, порой, случайно открывать общесоциологические объективные законы гармонизации жизни общества. Так, в частности, рождались религиозные и социальные логические конструкции «общества благоденствия» в виде различных вариантов «рая», «атлантид» и «утопий». И, что интересно, практически всегда, когда самый спекулятивный ум пытался смоделировать земное, а тем более райское счастливое общество, ему приходилось изгонять из него частную собственность.

Однако философы той эпохи сами поклонялись частной собственности и создавали, что природообъектов земной частной собственности за счет рабского труда происходит достаточно медленно. А учащающиеся торговые отношения свидетельствовали о наличии богатых соседей по планете. В связи с этим проблема быстрого обогащения, т.е. победоносной войны, занимали и философов. Поэтому совершенно естественно, что у наиболее агрессивного и умелого завоевателя в истории рабовладения, у Александра Македонского, домашним учителем был крупнейший мыслитель того времени, философ Ари-

стотель, сторонник идеалистической диалектики.

Александр Македонский говорил, что он чтит родного отца только за то, что тот произвел его на свет, но больше отца он чтит Аристотеля, поскольку именно он научил его, Александра, победоносно мыслить. Позднее, у величайшего специалиста в области теории буржуазной военной науки, Клаузевица, личным учителем был величайший философ-диалектик, Гегель. Гитлер в своих агрессивных замыслах опирался

на труды философа Ницше и имел успех, пропорциональный соотношению достоинств и пороков философии Ницше.

По мере учащения межэтнических контактов обнаруживало себя превосходство одних народов над другими в уровне военного потенциала. Правители, осознавшие это превосходство «своего» народа над другим, **всегда** реализовывали военные преимуще-

Владимир Ильич Ленин на открытии памятника Марксу и Энгельсу 7 ноября 1918 года: «Великая заслуга Маркса и Энгельса состоит в том, что они научным анализом доказали неизбежность краха капитализма и перехода его к коммунизму, в котором не будет больше эксплуатации человека человеком».

ства посредством захватнических войн.

Одновременно победители видели сколь горек «хлеб» побежденного и не могли не задумываться над опасностью собственного поражения. Потребность придания своим победам большей частотности вынуждала победителей выявлять **законы** побед и поражений в борьбе за обладание богатствами мира.

Достаточно скоро стало ясно, что **при прочих равных условиях**, победа достается тому войску, которое возглавляет более мудрый пол-

ководец. Поэтому выборы одного общего, более умелого полководца, базилевса, из числа вождей племен (задолго до возникновения института демократических выборов), превратились в важнейший этап подготовки народа, орды и армии к завоевательному походу. Ясно, что полководец-победитель приобретал еще большие знания, опыт, авторитет и, следовательно, воспринимался как незаменимая личность. Император. Но «аппетит разгорался во время еды». Одержанные победы формировали потребности в новых захватах. Так рождались первые трансэтнические империи.

А поскольку крупномасштабная военно-политическая **победа** приходила СИСТЕМАТИЧЕСКИ только к тем, кто вовлекал в практику **ВСЕ НЕОБХОДИМЫЕ** (объективные и субъективные) факторы победы, постольку мысль **обязана** была включать в свое содержание **ВСЮ** совокупность этих факторов и **СВЯЗИ** между ними. В истории человечества первоначально именно военные победы подтверждали высочайшую состоятельность философского мышления как **предельно** глубокого и широкого по охвату элементов бытия (т.е. пространства, времени, материи, взятых в их тождестве, единстве и противоположностях) во всем их масштабе. Те, кому это удавалось, фиксировали приемы своего мышления, находили приверженцев своих подходов и создавали философские учения, школы и академии, процветавшие до тех пор, пока существовал и подкармливал их господствующий класс.

Там же, где правящему классу не удавалось выдвинуть из своей среды философски образованного полководца, там происходило загнивание и крушение империй, задолго до того, когда созревали **принципиальные** экономические предпосылки крушения классического рабовладения вообще.

Родившись в результате соединения ОБЪЕКТИВНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛОК с дремучим НЕВЕЖЕСТВОМ громадного большинства населения, в том числе и **локальных интеллигентов** (и физиков, и лириков), **ВСЕ эксплуататорские формации держались насильем и, прежде всего, насильем.** Как только механизм насилия переставал (по тем или иным причинам) «работать», невежды, в лучшем случае, сбрасывали старый способ своей эксплуатации и устанавливали новый способ своей же эксплуата-

ции, более эффективный и с возросшей опорой на новые «штыки».

Таким образом, с исторической точки зрения, философия, с одной стороны, есть продукт становления, развития и загнивания классового, антагонистического общества, а с другой стороны, развития познавательных, логических потенциалов общества. Т.е. философия не могла возникнуть сразу как «наука наук». Она сама есть следствие возникновения и накопления широкого спектра отрывочных **научных знаний**, на той стадии развития общества, когда потребовалось системное использование разрозненных научных знаний в интересах межклассовой и внутриклассовой, т.е. политической борьбы.

БАЗИС, ПОЛИТИКА И ФИЛОСОФИЯ

а. Политика и философия

В формировании своих представлений о классовом обществе, человечество не могло не пройти путь от простого адекватного **созерцания** мира вещей и мира людей к **обобщениям**, т.е. к абстракциям, к формализации и систематизации знаний, полученных эмпирическим путем, а от обобщения абстрактных и формализованных знаний к проверке их на **практике**. Практика выносила приговор качеству абстрактных умозаключений, опрокидывая **заблуждения** и утверждая **истину**. Не зная жалости практика выполняла роль фильтра, отсеивающего заблуждения. Рост числа истинных суждений, подтвержденных практикой, убеждал мыслителей в наличии **законов** научного мышления, познание которых делало возможным целенаправленную подготовку мудрецов-профессионалов, т.е. философов. Следовательно, возникновение философии и ее носителей, философов, является естественноисторическим процессом развития форм человеческого отражения от фрагментарных к **общим**, т.е. вобравшим в себя **ВСЕ** прошедший опыт истинного мышления.

Иначе говоря, философия, т.е. **профессиональное любомудрие** могло родиться только там и тогда, где и когда, во-первых, появился прибавочный продукт, достаточный для исклю-

чения монотонного, надрывного физического труда умственно одаренных индивидов, а во-вторых, там, где возникла острая, жизненная необходимость исключить заблуждение из рассуждений. Такая нужда возникала, прежде всего, в политике.

Страсть к стяжательству, неразрывно связанная со страхом перед военным поражением и порабощением, перед восстанием угнетенных, а тем более, перед социальной революцией и являлись теми «жизненными необходимостями», которые вынуждали ум «заинтересованных лиц» работать на пределе его природных задатков. Т.е. философия есть продукт предельно возможного напряжения мысли, рожденного остротой и катастрофическими последствиями борьбы за политическую власть. Все остальные типы профессионального мышления (математического, физического, шахматного) – добровольно «заужены» избранным и обособленным предметом исследования.

Если человек решается стать рабовладельцем, феодалом или предпринимателем, что, в принципе, одно и то же, он оказывается немедленно обреченным на занятие политикой. Но тут же перед ним остро встает вопрос: «Как это делается?». Естественно ни математика, ни механика на этот вопрос ответа дать не могут. Ответ может дать, прежде всего, а иногда и только, философия.

Таким образом, непосредственной исторической предпосылкой возникновения философии является потребность класса господ в формировании надёжного фактора, обеспечивающего незыблемость его политической власти. По мере управляемого становления философии, господствующий класс в её лице приобретал все более действенное средство, благодаря которому, с одной стороны, собственный уровень общественного сознания эксплуататоров приближался к научно-теоретическому, а с другой стороны, философия, раскрывая законы движения к истине, открывала законы удержания масс в тисках стойких заблуждений обыденного уровня сознания.

Ход событий в мире показывает, что в обществе все ещё много тех, кто не твердо знает, что такое политика и твердо не знает, что вопрос о «первичности» и «вторичности» действителен лишь в рамках **основного вопроса** философии. За пределами же основного вопроса философии «первичность» и «вторичность» материи и сознания, общественного бытия и

общественного сознания весьма относительна, во-первых, потому, что общественное бытие и общественное сознание **неразрывны**, как неразрывны материя и одно из ее **важнейших** свойств - отражение, во-вторых, ни один шаг общественного бытия не происходит без **ПРЕДВАРЯЮЩЕГО** решения, принятого сознанием. Все акты общественного бытия «освещены» или «затемнены» общественным сознанием классов, но никогда не осуществляются бессознательно, т.е. абсолютно безмозгло. И общественному бытию, и каждому шагу частного лица **ПРЕДШЕСТВУЕТ** расчет (той или иной степени научности, дотошности, абсурдности) или, в крайнем случае, знаменитое «авось» или «была - не была» как форма «решения».

Следовательно, и философия, по мере своего развития приобретала все большую «первичность» в делах выработки стратегии **ПРАКТИЧЕСКОЙ** политики класса эксплуататоров.

Слово **политика** (от слова **много**), принято для обозначения формы общественной **ПРАКТИКИ**, системы учреждений, организаций и идей, порожденных **НЕСОВМЕСТИМОСТЬЮ ИНТЕРЕСОВ**, перманентным **ПРАКТИЧЕСКИМ** **противоборством МНОГИХ** носителей **непримиримых экономических ИНТЕРЕСОВ**. Политика, в переводе на образный язык, означает **процесс** перманентного **ВЗАИМОПОЖИРАНИЯ КЛАССОВ** и, одновременно, **сдерживания** от **ПОЛНОГО** взаимопожирания. Дольше и сытнее других живет в экономике, основанной на частной собственности, только тот, кто занимается политикой в непрерывно нарастающем объеме.

Каждый субъект экономики, основанной на отношениях частной собственности, даже эксплуатируемые, приступая к реализации своего экономического интереса, делает это двояко, поскольку, вступая в экономические **отношения**, он тут же вступает в **противоборство со ВСЕМИ**. Те, кто осознал это не в полной мере и не с самого начала, уже взорваны, расстреляны, зарезаны или отравлены конкурентами. Кто был «предусмотрительнее», те, для реализации своих экономических интересов, постарались приобрести бронжилеты, телохранителей, или громкое имя в СМИ, как Холодов или Листьев, прорваться в законодательные органы, как например, Старовойтова и Юшенков, как Айдзерзис или Березовский, сходив в исполнительную власть, как Собчак, Маневич, Лебедь или Абрамович. Все они надеялись спокойно обогатиться.

таться или «навести свой порядок в экономике». Но, реализуя **свои** экономические интересы, они невольно делали **невозможным** осуществление интересов **чужих** и наиболее решительные конкуренты сами закрывали «орлиные очи» братьев-демократов или вытесняли их далеко за пределы российского рынка.

Когда классик буржуазной политической экономии, придворный доктор Кенэ, принимался за исследование чисто экономической проблемы - оборота совокупного общественного продукта, он сам, не имея представления о последствиях своего метода, разделил общество на **КЛАССЫ** и раскрыл содержание и пропорции **отношений** этих классов. Но именно из анализа этих отношений и пропорций вытекал вывод о **неизбежной буржуазной революции**, поскольку уже из «таблиц Кенэ» было видно, что устранение из схемы общественного обмена классических землевладельцев (феодалов и священников) не только не останавливает процесса воспроизводства, а, наоборот, ведет к интенсификации экономических процессов, к еще более динамичному производству и накоплению богатств.

Тем не менее, и до Кенэ, и после, официальные буржуазные философы всегда стремились «доказать» случайный характер борьбы в классовом обществе, полную оторванность политики от экономики. В основу политики они закладывали свободную волю субъектов, божий промысел, рок, «шерше ля фам», но только не экономический базис общества. Таким способом легко формировался «институт козлов отпущения», а общественное мнение уводилось от истинных **причин** и **виновников** бедственного положения подавляющего большинства населения, от истинных виновников развязанных войн, терроризма и т.п. политических преступлений.

Политика является абсолютно органичным порождением экономических **отношений частной собственности**. Политика не только концентрированное выражение экономики. Она - форма существования классовой экономики, если по-марксистски понимать значение категории «форма». Политика для экономики, образно говоря, имеет то же значение, что и резиновая оболочка для воздушного шара. Современная «рыночная» экономика США без государственного регулирования, прогнозирования, силового обеспечения не продержалась бы и дня. Достаточно задаться вопросом, сколько дней продержится экономика США, если немед-

ленно распустить ее важнейшие политические институты – ЦРУ, ФБР, армию, полицию, суды и тюрьмы, чтобы понять, что демократическая рыночная экономика существует благодаря превосходству организованного буржуазно-государственного насилия над периодическим, стихийно возникающим сопротивлением эксплуатируемых масс. Ни колониальная политика, ни работоторговля, ни мировые войны не могли бы быть развязаны, если бы не частная собственности и, вытекающая из ее природы, **неравномерность экономического развития**, порождающая тираническую и внешнюю захватническую **политику** предпринимателей, вырвавшихся вперед в наращивании своей военной организации.

При правильном толковании экономической природы политики становится ясно, что философия, будучи непосредственным продуктом политических процессов, прежде всего, **классовой борьбы**, является, **одновременно**, непосредственным продуктом развития экономических отношений, но не какой-либо конкретной формации, а **ВСЕЙ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ**.

Философия - необходимый продукт экономики и политики эпохи деления общества на классы, поскольку не бывает экономики, основанной на частной собственности, чтобы она, **в то же время**, не являлась формой борьбы классов вне и внутри себя. *(Очень многие ошибочно отождествляют классовую борьбу с борьбой пролетариата и буржуазии, забывая, что капитализм, например, утвердился через борьбу буржуазии против класса феодалов. «Забывается» что каждое убийство предпринимателя в подъезде - есть акт классовой борьбы, обусловленный исключительно делением общества на классы и одновременно классический случай конкуренции.)* Противоположность экономики и политики в эпоху классового общества относительна. Их тождество абсолютно.

Таким образом, если мы приступим к **добросовестному** исследованию экономической проблематики общества, основанного на принципах частной собственности, то неизбежно придем к выводу о неосуществимости частнособственнической экономической жизни вне политики, т.е. вне **насильственного** разрешения экономических интересов и противоречий. Рыночная экономика, исследованная вне контекста отношения классов, т.е. вне политики, это

исследование доведенное лишь до 30%. Классовое деление общества есть объективное, необходимое условие СУЩЕСТВОВАНИЯ рыночной экономики.

Как известно, война, является продолжением политики, но только в той части, где **гремят взрывы и дураки в военной форме умирают и убивают во имя прибылей олигархов**. Но по своей **сущности и итогам**, война, будучи продолжением политики, есть, одновременно **форма экономических отношений**, возникающих между крупнейшими частными собственниками по поводу распределения и перераспределения экономических ресурсов планеты. В мирные дни капиталисты распределяют и перераспределяют товарные рынки при помощи эксплуатации покладистых «кули» наемного труда, а в годы войны рынки товаров делятся при помощи тех же покладистых «кули», только временно одетых в предсмертную униформу преимущественно цвета «хаки»

Кроме того, с исторической точки зрения, в эпоху рабовладения, т.е. именно тогда, когда родилась и достигла довольно высокого уровня развития философия, **не существовало областей производства материальных ценностей и экономических проблем, где бы могла возникнуть НЕПОСРЕДСТВЕННАЯ потребность в философии**. Иначе говоря, «первородная» связь между экономикой и философией не непосредственная, а опосредованная, прежде всего, политикой, т.е. именно конкретными потребностями классовой борьбы в широком смысле этого слова.

Подражая Гегелю можно сказать, что философия рождается не непосредственно экономикой, и в то же время именно экономикой. Она рождается политикой и в то же время даже не непосредственно политикой, поскольку рождается в высокоорганизованной материи, т.е. в сознании и только в сознании.

Но политическая опосредованность и непосредственно субъективное происхождение философии не делает её менее важной «содержанкой двора». Наоборот, поскольку прямые и опосредованные связи соотносятся не как «первосортные» и «второсортные», а как объективные причинно-следственные, возникающие с естественной ПЕРИОДИЧЕСКОЙ необходимостью.

При школярском подходе, причинно-следственную связь воспринимают только как жесткую одностороннюю связь причины со след-

ствием. При философском подходе, причинно-следственная связь выступает как НЕПРЕРЫВНАЯ череда явлений, в которой каждое следствие является причиной **очередного** следствия, и потому само превращается в непосредственную причину нового следствия.

Олигархам во все эпохи было выгодно представлять философию, как область знаний, погруженную в сплошные абстракции и схемы, оторванную от изменности повседневного бытия. Поэтому сегодня особенно важно приоткрыть политическое лицо философии и ее классовый характер.

Философия в современных условиях имеет практическое значение и помогает только тем, во-первых, кто ею овладел в действительности, а не тем, кто лишь прокламирует свою приверженность, например, диаматике, во-вторых, лишь тем, кто мыслит стратегически, масштабно (с пространственно-временной точки зрения) и всеохватно (с фактологической точки зрения), в-третьих, лишь тем, кто при решении общественных проблем во главу угла ставит вопрос о политической ВЛАСТИ, независимо от того, идет ли речь о проблемах взятии, удержания власти или о ликвидации института власти вообще.

Как известно, до недавнего времени большинство философов лишь различными способами пытались объяснить мир. С некоторых пор появились философы, организующие борьбу, чтобы изменить мир в интересах всеобщего блага, как учил доктор философии Маркс в «тезисах о Фейербахе», тем более, что объективные предпосылки к этому давно уже созрели.

Философ, уклоняющийся от привнесения мудрости в реальную политику, или не обладает мудростью вообще (поэтому ему нечего вносить), или известен лишь потому, что, например, сидел в пустой бочке. Но если вспомнить имена философов, чьи труды частично или полностью сохранили всемирное признание, то, в конечном итоге, везде мы будем сталкиваться с авторами, ставившими «во главу угла» вопрос о власти, политике, т.е. об устройстве **всего** общества.

Б. БАЗИС И ФИЛОСОФИЯ

Однако кое-кто может сказать: «Философия – элемент надстройки и поэтому она не могла быть рождена политикой, т.е. элементом надстройки. Философия, как субъективность, обязана быть продуктом самого базиса, а не по-

литики, следствием экономических отношений, поскольку каждый «понимает», что «материя первична, а сознание вторично», «общественное бытие первично, общественное сознание вторично».

Между тем, признание политики в качестве непосредственной исторической предпосылки возникновения философии может встретить возражение только у тех «марксистов», которые из всего марксизма твердо зазубрили лишь то, что «совокупность производственных отношений, составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому **соответствуют определенные формы общественного сознания**» (К.Маркс: «К критике политической экономии») и... больше **НИЧЕГО**.

Можно смело предавать таких «марксистов» самой изощренной пытке в демократических стенах, но они никогда не выдадут «тайну»: ради каких практических и методологических целей Маркс разработал концепцию формационного развития общества. Большинство партийцев окажутся невольными героями, не проронившими под пыткой ни единого слова «по делу».

Если рассматривать по «буквоядски» только одну приведенную цитату из работы К.Маркса «К критике политической экономии», то получится, что к надстройке вообще относятся лишь право и политика, а «формы общественного сознания» вообще не являются надстройкой, а лишь «соответствуют» базису. Но если учесть, что Маркс применяет слово «определенные», то становится ясно, что **не все** формы сознания соответствуют эксплуататорскому базису, а лишь «**определенные**». Следовательно, существуют формы сознания не соответствующие эксплуататорскому базису и даже отрицающие его. Например, атеизм, дарвинизм. Более того, по условиям своего рождения, философия никак не могла быть «формой сознания» класса рабов. Даже материалистические философские учения были доступны и осознанно использовались лишь в интересах **политики** класса рабовладельцев.

Поэтому сегодня утверждать, что философия является непосредственным продуктом базиса, так же «продуктивно», как и утверждать, что непосредственным продуктом базиса являются анекдоты или поэзия.

Философия является своеобразным соеди-

нителем между экономикой и политикой. Обратно говоря, философия выполняет роль необходимой «оглобли» между «лошадью-экономикой» и, так сказать, «политической колесницей» фараона. Без этой связки «лошадь» и «колесница» не могут быть сколь-нибудь устойчивой формацией. Причем, такой «оглоблей» в эксплуататорских формациях является не всякая философия, а только «определенная», т.е. официально признанная. Такая философия, действительно, является неотъемлемой частью формации, её идеологией. Но официальная философия никогда не была тождественна философии вообще. Философия как форма общественного сознания всегда **шире** философии чиновной профессуры.

Базис является общей основой надстройки как явления. Базис, в основе которого лежат отношения частной собственности, в качестве безусловного элемента надстройки всегда имеет, например, религию (поскольку религия всего лишь одна из конкретных форм массового невежества), но все конкретные мистические положения религии, даже масленица, являются порождением или спекулятивного ума или воображения, стимулированного галлюциногеном, и уже поэтому не могут быть объяснены как непосредственные продукты отношений частной собственности.

Таким образом, приходится признать, что существуют элементы надстройки, порожденные **непосредственно** базисом, и элементы надстройки, рожденные внутренней логикой развития самих элементов надстройки, т.е. **опосредованно**. Например, искусствоведение как производное от искусства, а не от базиса. Базис привносит классовый аспект в содержание искусствоведческих изысков, но не является их содержанием. Конкретно историческая форма господствующего базиса не исчерпывает всего множества объективных экономических явлений, возникающих в рамках переживаемой эпохи. Поэтому некоторые формы общественного сознания неизбежно выходят за рамки господствующего базиса данной формации.

Достаточно задаться вопросом: при каком базисе был создан «Манифест Коммунистической Партии», чтобы понять, что учения Маркса о формации и механизме **развития** форм общественного сознания при конкретном базисе, является частью более широкого философского учения, далеко выходящего за рамки капиталистического базиса..

Многие забывают, что категория «**форма-ция**», как всякая гениальная научно-теоретическая **абстракция**, обоснованно **освобождается** от некоторой части содержания, не имеющего **в данном конкретном случае ПРИНЦИПИАЛЬНОГО** значения. Эта категория принята для обозначения неотделимых друг от друга «пары сил» (базиса и надстройки), образующих и приводящих именно **ДАННУЮ ФОРМАЦИЮ** в движение на отрезке её «исторической спирали» (от возникновения к исчезновению). Одна из этих сил объективная (текущие производственные отношения), другая - субъективная (политические, юридические взгляды, учреждения и отношения, наука, религия и иные мировоззренческие системы).

Важнейшим в учении марксизма о формации является именно то, что оно обнажает объективную экономическую базу, лежащую в основе, как раз **НЕ ВСЕХ**, а только **ГОСПОДСТВУЮЩИХ**

юридических, политических отношений, религиозных взглядов и наглядно убеждает в том, что все современные глобальные мерзости рыночной «культуры» обусловлены не биологическими причинами, не «человеческой породой» вообще, как это пытаются показать адвокаты буржуазии, а именно **капиталистическими производственными отношениями**. Феодално-

му базису соответствуют феодальная правовая, политическая надстройка и феодальные формы общественного сознания. Капиталистическому базису соответствуют капиталистические формы надстройки и общественного сознания. Но это вовсе не означает, что в рамках данной формации не могут возникнуть идеи, организации и учреждения противоположные существующему базису или общие для всех формаций и, следовательно, всех базисов.

Невозможно, находясь в здравом уме, утверждать, что философия марксизма является непосредственным продуктом капиталистического базиса, т.е. буржуазных производственных отношений. Пролетариат, потому

веками и остается пролетариатом, что практически не способен (по некоторым объективным причинам) выработать свою философию. Верхом вульгарности было бы думать, что капиталистический базис, может **НЕПОСРЕДСТВЕННО** породить коммунистическую, т.е. бесклассовую философию. Непосредственно породить **ПОЛИТИКУ подавления** одним классом всех остальных, буржуазный базис, несомненно, **обязан**, но породить коммунистическую теорию он не только не может, но и по звериному преследует всех тех, кто пытается это сделать.

Между тем, успех «Капитала» обусловлен именно тем, что исследование капиталистического базиса, т.е. буржуазных производственных отношений, было осуществлено с помощью уже состоявшейся **философии марксизма**. Вне философии марксизма эту работу проделать невозможно вообще.

Прогресс человечества был бы невозможен, если бы развитие форм сознания находилось бы в **абсолютно непосредственной** зависимости

Иосиф Виссарионович Сталин: «Ленин больше, чем кто-либо другой, понимал важное значение теории, особенно для такой партии, как наша, ввиду той роли передового борца международного пролетариата, которая выпала на её долю, и ввиду той сложности внутренней и международной обстановки, которая окружает её.»

сти от производственных отношений, т.е. от **господствующего** базиса.

Показывая три обособленных источника и три **абсолютно** неразрывные составные части марксизма, Ленин писал не о базисе, а именно о классической буржуазной философии, классической буржуазной политической экономии и утопическом социализме, творческая переработка которых и ознаменовала рождение теории коммунизма, соответствовавшей не буржуазному базису, а созревшим объективным предпосылкам **замены** реакционного базиса прогрессивным, т.е. коммунистическими производственными отношениями.

Как известно, ненавистником капитализма может стать даже **разорившийся** олигарх, взбесившийся от внезапно наступившей нищеты, когда его разорил конкурент. Но «коммунистом можно стать только тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех **богатств**, которое выработало человечество», творчески ПЕРЕРАБОТАВ все то ценное, что случайно выработала интеллектуальная прислуга буржуазии.

Главное достоинство формационного подхода к анализу общественных явлений состоит в том, что он вскрывает **ЗАКОНОМЕРНЫЙ, причинно-следственный** характер возникновения, развития и **загнивания** мировоззренческих и политических идей, отношений и организаций при неизменном базисе. Но за пределами данной проблемы, т.е. для объяснения общественного развития, как смены формаций, одного лишь формационного подхода недостаточно. Необходимо использование и учения об эксплуататорских и неэксплуататорских **способах производства**, которое через категорию «**производительные силы общества**» объясняет причины изменений происходящих в надстройке (при постоянном базисе) на более высоком, с точки зрения полноты охвата факторов, уровне.

Схематичная трактовка формационного подхода, попытка догматически использовать его на всех стадиях исследования законов развития общества, сродни попытке использовать **скальпель** для лечения ВСЕХ болезней.

Буржуазный базис - это рыночные производственные отношения, реакционно противостоящие безграничному развитию производительных сил. **Общественное теоретическое сознание** всегда шире надстройки данного базиса как на «величину» прошлых культурных пластов, аккумулированных общественной памятью, так и на «величину» прогрессивных революционных учений во всех областях деятельности, рожденных под влиянием развития производительных сил общества, главным развивающим и саморазвивающимся элементом которых является Человек.

Своеобразная реакционность базиса состоит в том, что экономические отношения субъектов **качественно константны** и их эволюция имеет, прежде всего, количественный характер, выраженный в росте, например, массы прибыли вплоть до монополистической. Капиталистические производственные отношения оста-

ются капиталистическими даже на стадии империализма. Рабовладельческие отношения остаются рабовладельческими, пока жив последний раб, независимо от того, как (насильно или наемно) человек попал в систему эксплуататорских отношений. Измениться эти отношения сами не могут. Их можно лишь целенаправленно изменить, если развитие производительных сил общества (и, прежде всего, людей) достигнет достаточного уровня. Ликвидация базиса, т.е. устаревших производственных отношений и означает **НАЧАЛО** социальной революции. Окончательное утверждение **новых** производственных отношений, т.е. нового базиса, означает **завершение** социальной революции и **начало** собственной истории новой общественно-экономической формации.

Можно до бесконечности спорить, что, например, в автомобиле первично, а что вторично, что главное, а что второстепенное. Без чего автомобиль не поедет, а без чего он не может быть продан. Однако все качества технических систем, главные и второстепенные, первичные и вторичные, даже окраска, **включены в техническую документацию**. Т.е. независимо от (кажущейся субъекту) «иерархии» структурных элементов, составляющих данную конструкцию, тем не менее, **рукотворные** реальности приобретают целостное выражение в сознании человека в субъективном виде раньше, чем они приобретут эту целостность на самом деле.

Отношение философии к базису и надстройке выглядит аналогичным образом. Субъективно разделив объективно целостную формацию на базис и надстройку, в то же время, философия, в своем теоретическом «теле», содержит теоретическое описание сущности базиса и надстройки. Причем, не одной формации, а всех сразу. Философская форма сознания, подобно технической документации содержит в себе теоретические характеристики и всех базисов, и всех надстроек **одновременно**.

Заслуга марксизма состоит не столько в том, что он **теоретически** отделил базис от надстройки (буржуазная философия вообще абсолютизирует различие экономики и политики, отделяет их друг от друга), а в том, что марксизм показал, какие роли играют базис и надстройка в истории конкретной формации, в чем состоит их неразрывное **единство и какую реакционную роль в защите базиса, в продлении его агонии играет СООТВЕТСТВУЮЩАЯ** базису надстройка, уловившая законы

развития производительных сил общества. Печально, что именно капиталистическая надстройка, в лице продажной интеллигенции, готовит все необходимые рекомендации для олигархов и совершает самые подлые преступления против научного сознания, дабы продлить радость своего сытого прозябания у ножки обеденного стола того или иного магната.

ЧТО ЖЕ ТАКОЕ ФИЛОСОФИЯ?

Предвижу возмущение некоторых читателей: «Нечего изобретать «филосипед», дескать, ответ на этот вопрос есть в словарях, энциклопедиях, в трудах классиков.

Действительно есть. Но где признаки, что интеллигенция и рабочий класс Советского Союза, во-первых, знали, во-вторых, поняли то, что написано у классиков и, в-третьих, что словари и энциклопедии не писались под изошренным контролем таких идеологов «кумунизма» как Хрущев, А.Яковлев, Волкогонов? Где победы коммунистической оппозиции, т.е. признаки того, что **нынешнее** поколение коммунистов уже изучило и практически освоило самое важное условие окончательного устранения паразитизма из жизни общества – философию марксизма и ее главную часть – диалектику?

Более того, в дискуссии, развернувшейся недавно «на страницах» интернета, некоторые философы предложили активу журнала «Прорыв» не вникать в содержание физических наук, а принимать НА ВЕРУ то, что приподнесут миру сами «физики» в качестве объяснений своих «открытий», особенно в области микро и макро миров. Дескать электрон неисчерпаем как электрон, а лезть «вглубь» электрона и искать ответ на вопрос, почему он неисчерпаем не наше «философов» дело. Пусть «чистые физики» лезут в его недра и объясняют нам, профанам, как там что и почему. Договорились даже до того, что если философ лезет вглубь электрона, то он уже изучает не сам электрон, а нечто совершенно иное. Спрашивается, известно ли оппонентам что-либо из диалектики общего, особенного, частного, конкретного и единичного.

Т.е. свою личную недообразованность в области, прежде всего, точных наук, многие современные философы пытаются возвести в норму философии. Называть себя философом и расписываться в некомпетентности в области точных наук, т.е. прикрывать свое невежество и умственную ленность званием «доктор философии», плестись в хвосте «точных» наук и многозначительно поддакивать узким «специалистам», – типичная черта большинства представителей «советской» философской школы постсталинского периода, не изжитая даже под воздействием ТРАГЕДИЙ «перестройки».

Строго говоря, человек, не разбирающийся в физической, химической, математической и т.д. картине мира, не может стать философом. Однако знать физику или математику это вовсе не означает («зазубрить») все извивы заблуждений в истории физики, все частные методики и тонкости примененного ими математического аппарата. Хотя здесь для настоящего философа лишь вопрос времени. Нет такого физического или математического знания, которым философ, если он действительно философ, не овладел бы. Иное дело, что довольно часто, прикрывая свое бессилие в области логики, т.е. в области постижения физического смысла исследуемого явления, физики прячутся за «сложности» тензорных и т.п. уравнений. Чаще всего физики говорят сознательно непонятно, по тем же причинам, что и алхимики, чтобы скрыть **свое** собственное недопонимание проблемы, чтобы пожить в ареоле исключительности, гениальности и незаменимости, чтобы усложнить задачу конкурентам и как можно дольше пожинать финансовые плоды с древа своих знаний.

Очень часто физики и математики сознательно излагают свои мысли таким образом, чтобы из чтения их, читатели вынесли только одну мысль о своей умственной неполноценности. Многие современные монографии, энциклопедии, учебники написаны на «русском» языке так, как будто их написали на китайском. Но когда удается заставить физика говорить о физическом смысле исследуемого явления, то оказывается, что о сущности электрона и электричества они знают не много больше электромонтера.

Сталин и Берия в кратчайшие исторические сроки смогли организовать советских физиков на беспрецедентно быстрое решение фундаментальных и прикладных задач авиации, ракетостроения, космонавтики, атомной и водородной энергетики именно потому, что были, действительно, философами и приучили академиков думать и говорить, там где это было необходимо, на ясном русском языке. В частности, Капица несколько раз читал лекции командирам Красной Армии на сложные темы «сверхтекучести», «электромагнетизма» на абсолютно понятном языке и уровне, доступном людям со здоровой психикой. И был всегда понят.

Как только к власти в СССР пришли педофилософы, т.е. философы «в детских штанишках, решение всех научных и инженерных задач стало растягиваться на десятилетия, топтание на месте превратилось в самую распространенную манеру двигаться в пелене наукообразного тумана. А когда к власти в стране пришли открытые гонители философии марксизма, то не только в СССР, но и во всем мире, по всем направлениям начала нарастать деградация. В результате, чем дальше тем откровеннее звучит мысль о росте массива угроз существованию человечества. Более того, в условиях роста объема и качества угроз, ведется напряженная работа по преданию забвению диаматической философии – концепции действительного общечеловеческого спасения и процветания.

Содержание трудов и «первофилософов», и гегельянцев, и классиков марксизма, показывает, что важнейшей их чертой является энциклопедическая насыщенность. Каждая последующая философская школа учитывала не только достижения и недостатки предыдущих философов, но и мобилизовывала ВСЕ новейшие научные знания, выработанные и подтвержденные общественной практикой, применяя их творчески или спекулятивно к решению актуальных социальных задач. Иными словами, философские труды, зарекомендовавшие себя в истории науки как действительно философские, относились к остальным точным наукам ПРИМЕРНО так же, как периодическая таблица Менделеева относилась к знаниям об отдельных химических элемен-

тах, накопленных до Менделеева и пребывавших в состоянии, по меньшей мере, бессистемности.

Образно говоря, ФИЛОСОФИЯ ЕСТЬ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ЭЛЕМЕНТОВ НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОГО УРОВНЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ, но интересующаяся, в первую очередь, не физическим или химическим содержанием исследуемого явления, а наиболее **общими законами РАЗВИТИЯ мышления**, позволяющими проникнуть в сущность ВСЕХ и ЛЮБЫХ явлений, выведенными из научных побед разума, одержанных им в ходе исследования физических, химических и т.д. явлений.

Однако нельзя воспринимать эту аналогию буквально. Философия в целом не равна истории развития философии, в которой все исторические школы и течения расположились рядышком на «диалектической» спирали. Философия не столько расставляет науки по «клеточкам» и «периодам», сколько показывает: как соотносятся между собой достижения локальных наук; в какой степени выводы КАЖДОЙ науки соответствуют выводам ВСЕХ других наук; как ПОНИМАТЬ **новейшие** открытия локальных наук, что дают эти открытия для развития ЛОГИКИ и, наконец, как научно-технический прогресс уже сказывается и ещё скажется на **СОЦИАЛЬНОЙ** ситуации в обществе. «Периодизация» истории философии лишь один из важных «технологических» моментов процесса постижения законов развития самой философии.

Философия это такой уровень и способ мышления, когда КАЖДЫЙ частный вопрос рассматривается в предельно широком контексте знаний, накопленных человеческим сообществом о законах развития ПРИРОДЫ, ОБЩЕСТВА И МЫШЛЕНИЯ, когда КАЖДОЕ конкретное явление рассматривается только как продукт и звено ВСЕОБЩЕЙ цепи развития во ВСЕМ многообразии его причинно-следственных связей.

«Точные» **локальные** науки, взятые в своей обособленности, с точки зрения логики, являются моментами **АНАЛИЗА** всеобщего бытия.

Философия есть синоним, а по содержа-

нию форма **СИНТЕЗА** знаний предельно доступного масштаба. **Философия же марксизма есть конечная, предельно развитая форма СИНТЕЗА научных знаний эпохи классового деления общества.**

При всей краткости и простоте этого определения, оно может работать только в том случае, если правильно понимать значение категорий «анализ» и «синтез». Однако это сложный, достаточно самостоятельный и объемный вопрос, нуждающийся в специальном освещении. Поэтому имеет смысл поговорить на эту тему отдельно и подробно.

Что касается современных возможностей индивидуального и общественного синтеза, т.е. массового овладения философской формой общественного сознания, то рыночная форма организации жизни общества налагает на общественное сознание жесткие ограничения.

В отдельном здоровом мозгу операции анализа и синтеза происходят порой автоматически (благодаря функциям полушарий). Но качество синтеза в массе современных мозгов, сознательно и методично заражаемых «вирусом» узкого профессионализма, т.е. профессионального кретинизма, не может быть высоким, из-за добровольного и принудительного «обрезания» объема и искажения информации, поступающей в индивидуальное сознание. Только начитанность и систематическая проверка локальных знаний общественной практикой, способна довести объем и качество локальных знаний до такого уровня, когда возникает объективная предпосылка подъема качества анализа до уровня абсолютной истины.

Но современная система образования, запрограммированная РЫНКОМ, предполагает **торговлю** интеллектуальной собствен-

ностью и следовательно обрекает основную массу населения на хроническое **умственное «недоедание»**. Узость умственного развития абсолютного большинства современных мам и пап, скудность кошелька большей части населения планеты, делает философскую форму общественного сознания недоступной для большинства индивидов планеты. А марксистская философия – единственная форма общественного сознания, исходящая из того, что только всестороннее и полное развитие природных и, прежде всего, **умственных задатков КАЖДОГО** индивида придает общественному развитию **ОПТИМАЛЬНЫЕ** темпы и содержание.

Таким образом, признаком действительного философа является, во-первых, **актуальный энциклопедизм**, во-вторых, **целостность и всеобщность его ИНДИВИДУАЛЬНОГО мышления** и в третьих, **состоятельность прогнозов в отношении общественного бытия**. Ближе всех в истории философии к этому образцу подошли Демокрит, Эпикур, Бруно, Гегель, Фейербах. Действительными философами были Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин. Но подлинными философы большую часть истории были в удручающем меньшинстве.

Следовательно, повторимся, философ может считаться только тот, кто, во-первых, в течении творческой жизни непрерывно пополняет свою память знаниями текущих научных открытий и конкретных событий, во-вторых, кто сводит эти знания в единую систему сущностей, в-третьих, ТОЧНО определяет стратегические повороты развития общественного бытия и проверяет правильность своих выводов НА ПРАКТИКЕ.

«А нам слабо?».

Февраль 2004

ПАМЯТИ ИОСИФА ДИЦГЕНА

Г. Баммель

Эта статья появилась в декабре 1928 года в журнале «Под знаменем марксизма» к столетию со дня рождения И. Дицгена. Мы решили опубликовать ее сейчас, поскольку считаем актуальным для современных коммунистов и рабочих слова Дицгена «Философия должна быть близка рабочему классу» и то отношение, которое он питал к теоретической борьбе за коммунизм. Коммунистическому движению всегда не хватало таких Дицгенов – особенно не хватает их сейчас, когда большинство коммунистов не только не несет рабочим философские знания, но не считает это нужным и существенным.

Эта публикация стала возможна только благодаря подвижнической работе нашего товарища члена редакции журнала «Марксизм и современность» В. Игнатовича по собиранию тех ценных философских работ, которые сейчас незаслуженно забыты.

1.

«Наш философ» – так представил его Маркс рабочим - делегатам в 1872 г. на Гаагском конгрессе Интернационала.

Дицген, действительно, – наш философ. По профессии рабочий-кожевник, он собственным упорным трудом, своей пролетарской волей, самостоятельно усвоил последние выводы современной ему науки и проник в самое «святилище» буржуазной философии – в теорию познания; выросший на физическом труде, он овладел искусством «головной работы», самостоятельно дошел до основных идей диалектического материализма и, примкнув к основоположникам коммунистического мировоззрения, остался до конца дней своих стойким борцом и пропагандистом философии пролетариата.

Дицген соединял в себе мыслителя и борца, теоретика и просветителя, агитатора и пропагандиста. Защита материализма в самых абстрактных областях, даже изложение самых отвлеченных философских теорий были подчинены у Дицгена более общей идее борьбы за дело рабочего класса. «Раскрепощение народа, освобождение его от подневольного труда, нищеты и нужды есть высшее благо, к которому стремится наш ум», – писал Дицген в «Письмах о логике». Интеллектуальный рост, идейное завоевание масс, – вот что является важнейшим орудием для достижения этой цели. Теоретическая, пропагандистская борьба за идейное завоевание масс есть важнейшая и притом органическая часть рабочего движения. «...Я очень рад, что в

самом деле произошло то, на что я вряд ли мог рассчитывать, – писал Дицген Марксу 15 декабря 1872 года*, – а именно, что ты, по крайней мере, хочешь воздержаться от подпольной политики, чтобы располагать временем для выработки своей социальной теории. Я не отрицаю значения агитации, но она происходит, так сказать, сама собой, между тем как нет никого, кто был бы способен продолжать твой труд. И успехи, достигаемые благодаря теории, кажутся мне более верными и более важными, чем агитаторская практика».

Новое пролетарское мировоззрение, рожденное в муках, возвращенное борьбой, горем, заботами, есть боевая материалистическая философия. Пролетарская философия должна быть сознательным призывом к борьбе и активности. «Философия должна быть близка рабочему классу, – говорит Дицген, – это еще не значит, что каждый рабочий должен стать философом, должен изучить отношение между идеей и материей. Ведь из того, что каждый из нас ест хлеб, еще не следует, что все должны молоть муку и печь хлеб. Но как рабочему классу необходимы мельники и пекари, так ему нужны серьезные исследователи, которые вскрыли бы тайные происки жрецов Ваала и вывели бы их на чистую воду. Высокое значение умственной работы пока еще недостаточно оценивается людьми физического труда. Инстинкт подсказывает им, что люди, задающие тон в нашем буржуазном обществе, – его естественные враги. Они видят, что под прикрытием умственного труда производится плутовство. Надо еще прибавить вполне понятную

* Опубликовано в «Vorwärts'e» в № от 9 дек, 1928 г.

склонность с их стороны умственный труд недооценивать, а физический труд переоценивать. Такому грубому материализму надо противодействовать», – говорил Дицген в брошюре о «Религии социал-демократии». В рецензии на «Капитал» Маркса он возвращается, к этому вопросу.

Умственный труд, – говорит там Дицген, – не должен пугать рабочего, который привык «в поте лица своего» добывать не только свои собственные радости, но и создавать возможность в десять раз больше радостей для других. «Когда я вначале не мог понимать трудов наших философов, я себе снова и снова говорил: то, что умеют другие, ты должен также уметь. Мышление не есть привилегия профессоров. Для него требуется, как и для любого занятия, лишь привычное упражнение. А ведь огромная масса рабочих, наконец, начинает понимать, что нет спасения вне упражнений в самостоятельном мышлении».

Рабочий класс должен осознать необходимость абсолютной идейной независимости, идейной самостоятельности, Дицген стремится это сделать практическим лозунгом своей жизни. *«Я в скромном положении лучше себя чувствую, чем в привилегированном. Монашество нравится мне потому, что только при этом условии я могу сохранить абсолютно необходимую мне независимость»*, – пишет Дицген в письме к Зорге от 23/ХП 1886 г. И Дицген вновь и вновь повторяет, что духовное преимущество буржуазии превращается в материальную эксплуатацию. Каждый рабочий, желающий принять участие в деле освобождения своего класса, должен ясно представлять себе задачи своего класса, должен знать своего противника – капитал. Такова мысль, руководившая Дицгеном в его работах. И в этом – своеобразный просветительский характер деятельности Дицгена. Даже на стиле его работ отразилась эта черта. Работы Дицгена являются едва ли не единственными в философской литературе по простоте изложения. Дицген излагал свои мысли в самой популярной форме, обращаясь непосредственно к читателю-рабочему.

От всех работ Дицгена веет этим могучим стремлением подчинять рассмотрение самых абстрактных вопросов философии революционным задачам рабочего класса. Он звал рабочих к усвоению последних выводов науки, подчеркивая огромное значение теории и философии в практике классовой борьбы пролетариата. Негодования на несправедливость еще недостаточно. На помощь должно явиться еще и духовное орудие. Понимание познавательного ме-

тогда представляет сильное оружие против религии, оружие, которым побивается эта последняя в самых отдаленных и тайных своих норах. *«С уничтожением дуализма духа и материи падает и последняя теоретическая опора господствовавшего до сих пор подразделения на приказывающих и повинующихся, на угнетателей и угнетенных».*

Философский монизм, – по мнению Дицгена, – это «пролетарский», «демократический» монизм. Теория познания проникается демократическим духом универсального, естественного равенства.

Искусство мышления не есть чистая, голая, но связанная с практикой теория, теоретическая практика. Ничего мистического, никакой «вещи в себе» нет в нашей способности мыслить. Человеческий мозг так же произвольно отправляет функцию мышления, как грудь производит дыхание. Профессорская буржуазная философия изображает философию, абстрактное мышление или теорию познания, как «святое святых», куда простым смертным вход запрещен; профессорская мудрость помещает способность мышления на высокий алтарь религиозного божества. Дицген разоблачает классовый смысл «аристократии духа», этого жалкого суеверия, лицемерно превозносящего «дух», доказывая, что так называемая свободная наука превращается в оплаченную адвокатуру.

Дицген метил прямо в цель. В основе дицгеновой «пролетарской логики», или теории познания, в сущности, лежит то мнение, что в способности управлять государством нет ничего сверхъестественного, демократ не должен смотреть на правителя государства, как на двуногое божество. *«Все мы – прирожденные правители, а тот, кто является правителем, только случайно заведует обыкновенными делами, простой управляющий, каких в массе можно найти сотнями»**.

Против каких врагов пролетарской идеологии боролся Дицген? Неокантианство Ланге, агностицизм Дюбуа-Реймона, Вирхова, Негели, позитивизм Э. Геккеля – эти течения были подвергнуты Дицгеном резкой критике с точки зрения последовательной материалистической философии. На примере критики этих течений Дицген показывает, как глубоко ошибаются те, кто из науки делает какой-то фетиш, превращая научное знание в нечто непогрешимое, жреческое, стоящее выше всякой критики. Разве не заслуживает серьезного внимания то, что Дицген требовал критического, именно диалектического-материалистического отношения к естествознанию? Научное знание надо нести в массы, рабочий класс надо вооружать последними выводами науки, но естествознание с изучения отдельных фактов должно подняться на более высокий уровень теоретического философского обобщения. Дицген понимал

* «Религия социал-демократии», русский пер., Петроград 1915 г., стр. 15

необходимость диалектически-материалистического обоснования естественнонаучного знания. Защита теории и философии составляла одну из важнейших задач работ Дицгена. *«Решающее слово все-таки остается за философами, ибо они являются специалистами в логике, – говорил он в «Письмах о логике». – Естествознание игнорирует исторические выводы философской работы мысли. Естествовед работает над своей собственной специальностью, оказывая услуги диалектике скорее мимоходом и помимо собственного желания»**.

Мысль, что естествознание не может обойтись без философии, получила, как известно, глубокое развитие в заметках Энгельса по «Диалектике природы». Эту мысль мы встречаем и у Дицгена.

Дицген – враг узкого, ползучего эмпиризма. Специальные знания необходимы, но они должны быть поняты на основе монизма, единства методологии, «известного общего освещения», как «фундамента всякого исследования».

Дицген подчеркивает, что естествоиспытатель должен сознательно применять диалектически – материалистическую методологию. *«Они, – говорит Дицген об естествоиспытателях, – далеко продвинулись в область знания, но лишь постольку, поскольку они трактуют о реально-осязаемых предметах. При всякой другой, абстрактной теме мы находим вместо «доказывающих фактов» адвокатские доказательства, потому что, если натуралисты и понимают, что такое факт, заключение, правило, истина, то только в применении к отдельному случаю, только инстинктивно, а не принципиально, не сознательно, не теоретически»*.

Развенчав фетишизацию так называемой беспартийной, «специальной науки», разоблачив классовый смысл прикрывающейся именем «свободного» естественнонаучного знания профессорской мудрости, Дицген, полный гнева и негодования, обрушивался на менее завуалированных лакеев реакции, мистики и поповщины.

Дицген бросал ядовитые стрелы презрения и негодования против библейски – божественного откровения, охраняемого жандармерией в рясах. Дицген боролся против титулованных приспешников и наемных слуг капитализма – профессоров, судей, ад-

вокатов и других дипломированных лакеев поповщины, сознательно или бессознательно поощряющих самое низменное затмение умов. Дицген писал статьи и против профессиональных хамелеонов, торгующих пером, продающих свой стыд и совесть, защищающих «метафизику и религию, как старые опоры государственной мудрости». Книжники и фарисеи буржуазного общества знают, что делают: *«Если народ перестает верить, кто же сочтет нашу собственность священной и кто будет поставлять пушечное мясо отечеству?»*. Разве буржуазная профессорская мудрость не проповедует терпение и покорность, ограничивая науку познанием «явлений»,

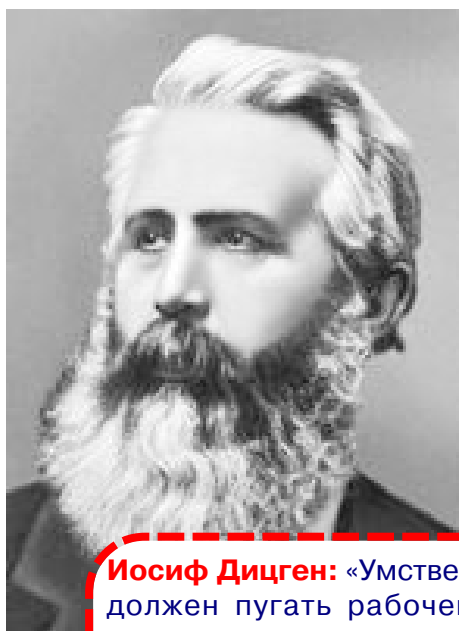
но не сущности? Разве под высокой сугубо-философской терминологией не скрывается тут проповедь идолопоклонства, сулящего загробную жизнь и побрякушки «вечной» справедливости, любви и нравственности?

Дицген проповедует энергию и активность. *««Беспощадность» есть слово, которое я избрал своим девизом», – говорит Дицген в письме к Марксу 20 мая 1868 г.* Елейные речи ханжества и лицемерия внушали ему отвращение. И он с неумолимой беспощадностью разоблачает лицемерие, скрываю-

щееся под оболочкой «возвышенных чувств» идеализма, срывая все фетишистские покровы.

Привилегированная клика старается держать под пеплом ярко разгорающиеся искры пробуждающегося классового сознания. *«Но, товарищи, не будем смущаться: угольки все же тлеют!» «Теперь время разрыхлить почву и заложить фундамент, – говорит Дицген. – Я всегда думаю, что семя должно быть посеяно, и я уже наполовину вознагражден за свой труд, хотя бы на каждую милю плодородной почвы падало бы и дало бы плоды только одно зернышко»***.

Все те, против которых боролся Дицген, все те, которых он бичевал и клеймил со страстью истинного революционера, продолжают свою гнусную работу. Проводниками религиозного дурмана являются ныне представители той партии, в рядах которой когда-то Дицген боролся против поповщины. Шейдемановцы проповедуют религиозную терпи-

Иосиф Дицген: «Умственный труд не должен пугать рабочего, который привык «в поте лица своего» добывать не только свои собственные радости, но и создавать возможность в десять раз больше радостей для других.»

* Ces. Schr., II, 76.

** Письмо к Зорге от 15/VII – 1885 г.

мость, социал–предатели все откровеннее, все подлее плетут опутывающие сознание масс сети христианской покорности, ханжества и лицемерия. Марксизм давно отодвинут в сторону. О материализме не может быть и речи, – не станут социал-лакеи компрометировать себя перед буржуазией. Так называемая свободная наука еще наглее выступает в союзе с жандармерией в рясах.

Атеистические памфлеты Дицгена сохранили все свое значение. Хлещущие, боевые, полные сарказма и железной логики фактов, они помогут рабочим стать сознательными борцами за духовное укрепление рабочего класса. Неутомимый, страстный борец за материализм, неуклонно разоблачающий классовые позиции буржуазии и в официальной профессорской философии, и в официальной науке, понесший четкое классовое мышление в широкие массы, – таким останется Дицген в памяти революционных рабочих.

2.

Иосиф Дицген родился 9 декабря 1828 года в Бланкенберге, недалеко от Кельна. В деревне Украте он посещал сначала народную школу, потом городское училище в Кельне, потом частную латинскую школу в местечке Оберплейс. Он был еще юношей, когда отец, по ремеслу кожевник, определил его в свою мастерскую. Работая в мастерской отца, Дицген еще юношей знакомится с французским социализмом, самостоятельно изучает политическую экономию и философию. Философия Фейербаха при этом была главным «пробудителем» его мышления. Переломными этапами в жизни Дицгена явились, кроме знакомства с Фейербахом, революционный 48-й год и знакомство с «Коммунистическим Манифестом». Сам Дицген об этом впоследствии рассказывал следующее: *«Хотя я родился в 1828 году, тем не менее моя сознательная жизнь началась с так называемого «безумного 1848 г.» Я изучал ремесло своего отца в его собственной мастерской, когда из «Кельнской Газеты» я узнал, что в Берлине народ победил прусского короля и завоевал себе «свободу»²⁾. Отныне эта свобода стала для меня прежде всего предметом раздумья». «1848 год с его реакционными, конституционалистами, демократами и социалистами пробудил в моей, тогда юношеской, душе совершенно непреодолимую потребность – добраться до критически устойчивой и исключаяющей сомнения точки зрения и положительного суждения о том, что из всего написанного и услышанного за и против является несомненно истинным, хорошим и справедливым. Так как я – вполне основательно – сомневался в существовании бога, а в церковь и вовсе не верил, то мне было очень трудно справиться со всем этим. Во время этих исканий я ознакомился с Людвигом Фейербахом, старательное изучение которого зна-*

*чительно подвинуло меня вперед»**.

В июне 1849 года реакция гонит Дицгена в Америку, где, как рассказывает его сын, Евгений Дицген, он *«в течение двух лет работал в качестве кожевенного подмастерья, маляра и учителя, но большей частью путешествовал, пешком или плывя в лодке, по огромной территории Соединенных Штатов от Висконсина, на севере, до Мексиканского залива, на юге, и от Гудзона до Миссисипи с запада на восток»*. В 1851 году мы его вновь видим в мастерской отца. В 1859 году, стремясь добиться материальной независимости и обеспечить себе возможность научных занятий, Дицген переселяется в Америку. Он поселился в штате Алабама, открыл кожевенную мастерскую, но пробыл там недолго. Начавшаяся гражданская война заставила его в 1861 году вновь переехать на Рейн.

В 1859 году Дицген изучает «К критике политической экономии», он становится убежденным марксистом. Замечательно уже то проникновение в сущность марксистского мировоззрения, которое обнаружил Дицген, ознакомившись с этой книгой сейчас же по выходе ее в свет. В письме Марксу от 5 ноября 1867 г. Дицген говорит: *«В свое время я прилежно изучил вышедший в Берлине первый выпуск «К критике политической экономии» и признаюсь, что никогда ни одна книга, как бы объемиста она ни была, не дала мне столько новых положительных знаний и не была так поучительна, как эта маленькая тетрадь. С большим нетерпением ожидал я продолжения. Вы первый выразили в ясной, неопровержимой, научной форме мысль, которая отныне станет сознательной тенденцией исторического развития, а именно мысль о подчинении слепой естественной силы общественного процесса производства человеческому разуму. Вы помогли уразумению этой тенденции, и вы содействовали выработке взгляда на наше производство, как на бесплановое, – и в этом заключается ваше бессмертное дело. Время должно принести и принесет вам всеобщее признание за это. Между строками вашего труда я читаю, что предпосылкой вашей обоснованной политической экономии является обоснованная философия»*.

По объявлению «Кельнской Газеты» Дицген в 1864 году принял предложение заведовать технической частью большого казенного кожевенного завода в Петербурге. В Петербурге Дицген пробыл пять лет. Здесь была написана им «Сущность головной работы человека». К этому времени относится, кроме цитированного выше, ряд писем к Марксу. Эти письма чрезвычайно интересны как документы, характеризующие яркую личность пролетарского философа. Дицген называет Маркса вождем движения, своим учителем, главой школы. Он пишет Марксу из

* Ges. Schr., Bcl. II, S. 257.

Петербурга (20 мая 1868 г.): «... Я обязан вам пониманием исторического движения человечества, – сокровищем, которое возвышает меня над очень многими житейскими невзгодами, над всяким убожеством моего времени и окружающей среды. Мало того. Дав мне возможность вникнуть в общую сущность буржуазной экономики, вы тем самым дали мне возможность сознательно отстаивать мою личную точку зрения в этом обществе. Этой сознательности я в значительной степени обязан тем успехом, которым я до сих пор могу похвалиться в этом неизбежном буржуазном существовании».

На Гаагском конгрессе Интернационала Дицген говорил с Марксом о продолжении его «Капитала». 15 декабря 1872 года Дицген пишет Марксу: «Теперь я пишу статью, в которой стараюсь доказать, что учение современного социализма и коммунизма, т.е. теория Маркса, является законным порождением немецкой философии, что они представляют собой не что иное, как применение индуктивного метода к дисциплинам, в которых до сих пор злоупотребляли умозрением. Я имею в виду сделать еще многое, я постоянно занят то за письменным столом, то в мастерской, в которой я тоже люблю работать, но в которой я, кроме того, вынужден работать для заработка».

В Петербурге же Дицген пишет и в августе 1868 г. публикует в лейпцигском «Demokratische Wochenblatt» рецензию о вышедшем в 1867 г. первом томе «Капитала».

Дицген видит основную заслугу Маркса в том, что он показал «социальную сущность нашего частным образом организованного труда». Мы производим не единичным, а общественным, социальным трудом, хотя каждый знает, что этот труд является не как общественный, а как частный труд. «Открыв в ней социальную сущность, Маркс – такова задача подлинной науки – показал, что эта видимость обманывается». Политическая экономия является для него не твердой субстанцией, суммой вечных истин, а чем-то текучим, развитием. Она – основа истории культуры». В живой, политически заостренной форме Дицген дает сжатое изложение хода мысли в «Капитале» и кончает, что «при этом изложении нельзя избежать убеждения, что социальный вопрос есть не только вопрос рабочего класса, но и вообще вопрос жизни и смерти всего общества».

Меринг писал об этой рецензии в «Истории германской социал-демократии»: «Первый немецкий рабочий, которому принадлежит честь идейного овладения основным произведением научного коммунизма, был Иосиф Дицген, кожевник»*. Вильгельм Либкнехт также писал в своем некрологе о Дицгене

об этой рецензии: «Оригинальность изложения, глубина мысли, замечательная форма мысли наполнили меня удивлением, и я тотчас понял, какой выдающийся ум вошел в ряды борцов нашего движения»**.

В сентябре 1869 г., когда Дицген вновь переехал из Петербурга в Германию, в Зигбург, в городок на Рейне, Маркс посетил Дицгена, чтобы лично с ним познакомиться.

Спустя год появляется первая и основная философская работа Дицгена: «Сущность головной работы человека».

Дицген переслал рукопись Марксу. В письме к Кугельману от 5 декабря 1868 года Маркс так отозвался о рукописи: «Дицген прислал мне отрывок рукописи о «Способности мышления», который, несмотря на некоторую путаницу в понятиях и на слишком частые повторения, содержит в себе много превосходных и, как продукт самостоятельного мышления рабочего, достойных изумления мыслей». Маркс переслал рукопись к Энгельсу. «В рукописи много остроумия, – отвечал Энгельс, – и, несмотря на недостатки в грамматике, значительный стилистический талант. В общем же замечательный инстинкт, который помог придумать так много правильного при такой недостаточной подготовке».

За время пребывания в Зигбурге с 1869 г. по 1884 г. Дицген публикует большое количество статей на экономические и философские темы во всех сменяющихся друг друга партийных органах – «Volksstaat» (1870 – 1876 гг.), «Vorwärts» (1877 г.), «Sozialdesiokrat» (Цюрих, 1880 – 1888 гг.), «Neue Gesellschaft» (Цюрих) и др., а также ряд брошюр: «Религия социал-демократии» (1870 – 1875 гг.), «Буржуазное общество» (1876 г.), «Очерки политической экономии» (1870 г.), «Социал-демократическая философия» (1876 г.), «О вере неверующих» (1880 г.) и серию «Писем о логике» (1880 – 1883 гг.).

В 1884 г. Дицген вновь переселился в Соединенные Штаты, где взял на себя редактирование партийного органа «Der Sozialist». В 1886 году он берет на себя редактирование газеты «Chicagoer Arbeiter-Zeitung» в тот критический момент, когда ее редакторы были арестованы в связи с известным анархистским покушением: когда, как рассказывал впоследствии Зорге***, «осторожные и добродетельные люди нашли нужным не признавать арестованных редакторов «Arbeiter-Zeitung», как людей, которых они совершенно не знают»; Дицген хотел броситься и заполнить брешь, образовавшуюся в рядах борющихся, и заменить в борьбе тех, кто был вырван реакцией. «Социалистическое издательство» («Soc. Publishing Society») приняло его предложение и вскоре назначило его главным редактором выпускаемых названным издатель-

* Ib., S. 192.

** Опубликовано в «Vorwärts'e» в № от 9 декабря 1928 г.

*** Gesch. d. deutsch. Sozialdem., 2 Aitfl., Bd. III, S. 307.

ством газет: «Arbeiter-Zeitung», «Fackel» и «Vorboten».

В поведении Дицгена по отношению к анархистам нет и тени какой-либо беспринципности («я за него спокоен», – писал Энгельс в одном из писем к Зорге этого периода), – это поведение вытекало из убеждения, что важнее и существеннее выдвигать на первый план не то, что разделяет, а то, что связывает, что объединяет, что является общим для анархистов и социалистов.

В последние два года своей жизни (1886 – 1888 гг.) Дицген написал две брошюры: «Экскурсии социалиста в область теории познания» (1886 г.) и «Аквизит философии» (1887 г.). Это была последняя работа Дицгена. Он умер 15 апреля 1888 года. Смерть сразила его внезапно. Он беседовал о политической сущности забастовок, подчеркивая, что в забастовках неминуемо ставится вопрос о захвате власти, о грядущем крахе капитализма и недалеком дне победы рабочего класса. «Сорок лет назад я уже предвидел современное рабочее движение», – с этими словами он откинул голову, задыхаясь, и – его не стало. «Сорок лет, – писал «Der Sozialdemokrat» в № 19 в 1888 году, – Дицген целиком принадлежал социалистическому движению. Он был скорее человеком мысли, чем человеком дела, – именно он поставил своей задачей словом и мыслью распространять и внедрять в сознание немецких рабочих ясное мышление, в своих работах он в первую очередь стремился разбудить, развить, усовершенствовать «способность суждения» у – читателей, т.е. рабочих, и укрепить в них силу противодействия всем религиозным суевериям»*

Так писал центральный орган партии в некрологе о Дицгене.

Поскольку материалистическое мировоззрение означает взгляд на природу, как на нечто первоначальное, и на сознание, как на нечто вторичное, производное, Иосиф Дицген является последовательным материалистом. «С прежними материалистами общего у нас только то, что мы признали материю предпосылкой или первоосновой идеи», – писал И. Дицген. Диалектический материализм открывает звено, связывающее дух и материю, определяя последнюю, – как первичное, а дух – как вторичное.

Метафизическое мышление замечает только различия и не видит их относительности. Метафизика в этом смысле есть «чрезмерность», по выражению Дицгена, т.е. чрезмерное выпячивание одной из сторон, одной из черточек бесконечно сложной и бесконечно разнообразной действительности. Дицген обвинял представителей различных направлений идеалистической философии, усматривая у них метафизически-чрезмерную односторонность. Напри-

мер, ошибка Канта состоит в том, что различие между сущностью и явлением он сделал чрезмерным, он превратил сущность в нечто отличное, обособленное, чудесное, таинственное и непознаваемое. Между тем нет мира сущности и отдельно мира явлений, но мир един. Сущность не отделена от явления, не скрыта позади него, и сущность отличается от явления не больше, чем целое от части. Там, где метафизика видит различия и противоположности, Дицген подчеркивает переходы, связи, непрерывность.

«Диалектическое искусство», «новая, пролетарская логика», «пролетарский монизм» – под этими названиями Дицген, как он сам говорит, разумеет учение о развитии. «Вся вообще природа находится в процессе постоянного развития, мир – это целое, не имеющее конца и состоящее из конечных частей, мир есть и будет вечным движением, вечным изменением»**. Стало быть, продолжает Дицген, нет в мире абсолютно индивидуальных, неповторимых явлений: в мире все явления связаны.

Любимой и едва ли не главной идеей Дицгена была идея взаимной связи и зависимости всех вещей, всеобщей обусловленности, мировой связи, естественного единства духа и природы, органического единства всего существующего. Не под сводами храма и не в головах ученых, но в живой взаимной связи всего мира следует искать критерий истинности, – писал часто Дицген. Любой предмет из окружающей действительности тысячами связей объединен с нею. Например, возьмем камень. Камень «имеет» цвет, но без солнечного света он был бы черным, т.е. бесцветным. Но цвет камня зависит не только от света, но и от глаза. Человек, слепой к восприятию цветов, видит камень совершенно другим. Далее говорят, что камень «имеет» тяжесть. Но тяжесть зависит не только от собственной массы камня, но и от силы притяжения земли. Также и теплота, которую я чувствую в камне, зависит от солнечных лучей, а также от того, теплой или холодной рукой я беру камень. Камень, который я держу в руке, нельзя таким образом вырвать из всеобщей связи явлений.

Возьмем другой пример. Вот, например, капля воды. «Она различно видоизменяется, в зависимости от того, в связи с какими предметами она находится. Прежде всего капля воды может существовать лишь при известной температуре. В зависимости от изменения температуры она может принимать форму льда или пара: в жирном составе она остается компактной, в соли распускается. В зависимости от удельного веса жидкости, с которой она входит в соприкосновение, она плавает на поверхности или же падает вниз. Без связи с землей, с температурой и силой тяжести эта капелька, да и

* «Die Neue Welt Kalender» 1890, S. 65 (подписано: W. L.

** «Neue Zeit» 1895, Bd. II, S. 339. См. также биографию Дицгена, написанную его сыном, Евгением Дицгеном, Ges. Schr., 1911, Bd. 1.

вообще все капли воды исчезли бы в бесконечном пространстве и не имели бы бытия. Следовательно, формы вещей изменяются в зависимости от их взаимной связи с другими вещами, и они являются именно теми, а не другими вещами, только как части мирового целого». Сказанное о капле воды и камне, по Дицгену, приложимо ко всем вещам. Величайшей заслугой Дицгена является то, что он последовательно развил и сделал все выводы из всеобщей взаимной связи явлений.

Особенность работ Дицгена по теории познания состоит именно в том, что мысль о всеобщей взаимной связи, явлений он прилагает и к нашему познанию. Способность мышления неразрывно связана со всем остальным материальным миром. Сущность познавательной способности можно понять не в ее «чистом» виде, как она существует сама по себе, а лишь в связи с чем-либо другим, например, с историей культуры («Письма о логике», изд. 1908 г., стр. 126) или в ее естественной связи с природой, в связи с остальным материальным миром. «Вот это-то признание органического единства всего существующего, и составляет главный базис моей логики», – говорит Дицген в «Письмах о логике». «Чтобы мыслить действительно связно, ни одну вещь ты не должен рассматривать, как нечто самостоятельное. Но все только как текучее свойство единой субстанции», – пишет Дицген сыну. Но это относится и к самой мысли!

Теория познания не совпадает с формальным учением об интеллекте, а непосредственно связывается с учением о мире вообще, или, как выражается Дицген, с учением о других вещах. Логика является продуктом не «головной работы» в ее чистом виде, но естественного развития самой природы. Ее законы – это не законы, существующие только в голове, в мысли. Если в мире все связано, если вещь, вырванная из всеобщей мировой связи, есть нечто нереальное, мертвое, как пустая абстракция, то и мысль должна быть реальным отрезком действительности, действительным куском всеобщей связи явлений. Реально все, «все, даже чрезмерное, если только оно совершается сознательно, в известное время и при известной обстановке». Идеальное существует лишь в связи со всем остальным, «реальным» миром, поэтому идеальное только относительно идеально. «Мысль есть часть всей совокупности бытия. Мысль, интеллект существует реально. «Фантазия и истина, идея и действительность – суть два явления единой природы». «Как логика является действительной, так и действительность является логичной.»

Обычно проводят резкое различие между тем, что **действительно**, и тем, что только мыслимо. Это различие правомерно, говорит Дицген. Если бы Диц-

ген не проводил этого различия, он смог бы провести грани между материализмом и идеализмом. Для материалиста действительность существует независимо от того, мыслится ли она или нет. Но, говорит Дицген, этого различия не следует преувеличивать до такой степени, что будто бы мыслимое существует лишь в нашей голове, а на деле не имеет реального бытия. Но на самом деле мысль бесконечными отношениями связана со всем остальным материальным миром, и она не менее реальна, чем весь мир, частью которого она является.

Формальная же логика преувеличивает значение различия и различения. Она не понимает диалектической природы вещей, которые не только существуют порознь, раздельно, но и взаимно связаны между собою. Мы должны знать, что «разнообразие есть единство, изменчивость постоянна и постоянное изменчиво». В мире нет никаких существенных различий, не имеющих между собою никаких связей, никаких посредствующих звеньев, ничего общего: «одинаковое различно, и различное одинаково», «все является одновременно вечным и временным, истинным и неистинным, великим и малым, все не только односторонне, но и разносторонне и, следовательно, противоречиво».

Логика исследует формы мысли, но мысли в том виде, в каком она существует в действительности. Логика не только учение о мышлении. Она стремится расширить область своего применения до «бесконечных пределов», по выражению Дицгена, до «последних вопросов всякого знания», в противоположность формальной логике, довольствующейся исследованием ограниченной области «логического» порядка. Дицген неправильно называет эту новую реальную логику «метафизической», но в основе его критики формальной логики у него лежит совершенно правильная мысль. Дицген говорит, что «*формалисты похожи на отливальщика фарфоровых изделий, который думает, что его ремесло может ограничиться лишь формой посуды, горшков и кувшинов, но что ему нет никакого дела до вещества, из которого он их приготовляет. Однако он забывает при этом, что он должен как форму наполнять веществом, так и веществу придавать форму. Эти вещи можно разделять только на словах, но не в действительности...*»*.

Итак, всеобщая мировая связь явлений приводит нас вместе с Дицгеном к утверждению, что мысль, сознание, логика не менее «действительны», если так можно выразиться, чем природа.

Точка зрения Дицгена целиком совпадает с тем пониманием основной противоположности духа и материи, какое мы имеем в философии марксизма – в диалектическом материализме. Материализм, говорил Ленин, состоит не в том, что сознание суще-

* «Der Sozialdemokrat» № 19, 1888.

ствуется менее реально, чем материя, а в том, что сознание есть нечто вторичное, а материя – первичное. В «Конспекте «Науки логики» Гегеля» Ленин делает пометку: «Против вульгарного материализма. N43: различие идеального от материального тоже не безусловно, не «непереходимо». И дальше, в известном фрагменте о диалектике: «Философский идеализм есть только чепуха с точки зрения материализма грубого, метафизического. Наоборот, с точки зрения диалектического материализма философский идеализм есть одностороннее, преувеличенное, *uberschwengliches* (Dietzgen) развитие (раздувание, распухание) одной из черточек, сторон, граней познания в абсолюте, оторванный от материи, от природы». Идеализм есть пустоцвет, бесспорно, но, – подчеркивает Ленин, пустоцвет, растущий на живом дереве живого, плодотворного, истинного, могучего, всесильного, объективного, абсолютного человеческого познания».

Вот почему Дицген вполне последовательно конкретизирует идею всеобщей мировой связи, когда выступает с неслышанным для формальной логики утверждением, что общее не менее реально, чем единичное и особенное. Но что такое «общее»?

Мышление, – говорит Дицген, – есть «физическая работа, которая, как и всякая другая работа, не может существовать и функционировать без материала». Для мышления я еще нуждаюсь в веществе, которое я и должен мыслить. Такое вещество или материал для мышления даны в явлениях природы и жизни. Это и есть то, – говорит Дицген, – что мы называем конкретным, частным. Это – «конкретные, особые, чувственные формы вещей, которые мы познаем непосредственно в опыте»*. Из этого конкретного, чувственного, многообразного мышление извлекает его однородное или всеобщее содержание.

Мыслительная способность состоит, именно, в том, что объекты чувственного восприятия превращаются в простые понятия путем извлечения их сходных черт и однородного или всеобщего содержания. Глаз исследует то, что можно видеть, ухо воспринимает то, что можно слышать, а наш мозг – то всеобщее, что может быть объектом знания. К анализу нашей мыслительной способности не применимы ни физические инструменты, ни химические реактивы, но, продолжает Дицген, здесь недостаточно и просто чувственного наблюдения: здесь необходима еще способность образовывать понятия или теоретический анализ. Сущность мыслительного акта, образующего понятия, заключается в том, что он «в предметах, разнообразных в своей чувствен-

ной телесности, отыскивает всеобщее содержание, родовое единство». Теоретический анализ, который в учении о мышлении заменяет и физические инструменты, и химические реактивы, состоит в том, чтобы «вывести из особенного всеобщее» (aus dem Besonderen das Allgemeine zu erforschen), «из чувственного, конкретного развить абстрактное или всеобщее». «Всеобщее есть содержание всех понятий, всякого познания, всякой науки, всех мыслительных актов». «То общее, в чем сходны различные животные или различные явления света, образует элемент, который составляет понятие животного вообще или света вообще». Мышь и слон теряют свои различия в тождественном, общем понятии животного вообще. «Понятие объединяет многое в единство, из частного развивает общее»**. И Дицген заключает этот ход мысли следующим положением: «Если развитие всеобщего из особенного есть общий метод (*die generelle Methode*), форма и способ вообще, которыми разум достигает познания, то тем самым установлено, что разум состоит в способности выводить общее из особенного»***, «состоит в развитии общего из особенного, в отыскании синтетического или абстрактного в конкретном и чувственно данном»****.

Но из предыдущего мы знаем, что «мир существует как связь и что вещь, вырванная из этой связи, перестает существовать»****. Стало быть, диалектика всеобщей мировой связи такова, что общее неразрывно связано с особенным, абстрактное – с конкретным. Всеобщая мировая связь учит об относительности, о переходе, о текучести, о развитии общего из частного и частного из общего.

В этом и только в этом состоит диалектически-материалистическое учение о реальности общего. «Отдельное не существует иначе, как в той связи, которая ведет к общему, – говорит Ленин. – Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т..д.». Следовательно, общее не менее реально, чем отдельное. Общее, абстрактное не есть только в голове существующее, как бы менее реальное, чем конкретное, чувственно воспринимаемое и обособляемое. Общее, напротив, входит в определение отдельного и конкретного. «Мы говорим: Иван есть человек, и уже здесь есть диалектика: отдельное есть общее».

Никоим образом общее по своему содержанию не может быть беднее особенного или частного. С

* Письма о логике, русск. перев., 1908 г., П. Дауге, стр. 141

** Письма о логике, русск. пер. 1908 г. (изд. П. Дауге)

*** Ges. Schriften, Bd. I, S. 23.

**** Ibid., S. 22.

***** Samtl. Schr., Bd. 1, S. 20.

точки зрения формальной логики, чем более общо понятие, тем оно бессодержательнее. На самом деле, в частном нет ничего, что не содержалось бы в общем. Но в частном, действительно, содержатся только некоторые, именно частные, особенные, отдельные, но не все возможные черты. Выходит, что общее, наоборот, богаче, содержательнее, чем частное. До тех же пор, пока общее нами не определено в связи с частным, не расчленено, не развито как единство в многообразии частного, – оно выступает, как нечто более бедное, чем частное. Такова точка зрения формальной логики: общее есть механическая сумма сходных черт, – следовательно, общее противопоставлено частному, обособлено от частного. Отсюда Гегель правильно заключает о том, что формальная логика не в состоянии понять общего, как общего, т.е. конкретного, реального общего, так как принуждена рассматривать и само общее, как «частное». Это и есть формальное логическое учение об абстрактном общем или об абстрактном тождестве. Диалектика требует, чтобы брали общее и частное в их внутренней связи, переходах конкретности. Частное противоположно общему, но оно существует в связи с общим, и это единство противоположностей частного и общего и образует то, что называется конкретным понятием*. Абстрактное понятие или абстрактно-общее – это то же понятие о единичном, это, строго говоря, – то же частное, но лишенное некоторой группы определений, это – тень того же частного, это – именно только понятие, субъективное, «логическое», формальное, мертвое. Наоборот, конкретно-общее дано во взаимном проникновении частного и общего. Конкретно-общее есть одно целое, охватывающее все частное в единстве, в связи. Поэтому бессмысленно противопоставлять конкретно-общее частному, – конкретность общего в диалектике в том и состоит, что она позволяет различать общее, дифференцировать, отличать от другого общего, как одно целое от другого.

Мы не собираемся, разумеется, развивать здесь высказанные положения о конкретном понятии (здесь, разумеется, оказалось бы необходимым обосновать их историко – материалистически, а также в связи с развитием естествознания). Проблема конкретного понятия нас интересует здесь лишь в той связи, в какой необходимо подчеркнуть огромное диалектическое значение учения Дицгена об относительности противоположностей общего и частного.

В то время как формальная логика в общем и частном видит только застывшее различие, проти-

воположность, – «теория познания или диалектика» (выражение Дицгена) учит, что как форма неразрывно связана с ее противоположностью, содержанием, как тождественность и неподвижность – с текучестью и изменяемостью, так общее неразрывно связано с частным. Вот почему, «поднявшись на высоту логической диалектики или диалектической логики, философия должна исследовать не только мышление, но также и отображаемый мышлением оригинал». Формальная логика забыла о связи противоположностей и чрезмерно противопоставила мышление бытию, оторвав его от последнего.

Дицген правильно указывает на имманентную противоречивость мышления, сознания, понятия, объединяющего противоположности частного и общего. Он говорит: «Сознание обобщает различное и различает общее. Сознание противоречиво, – и притом настолько, что оно... обобщает противоречие. Оно устанавливает, что все явления, все части природы противоречивы и что все реально существующее является тем, что оно есть, благодаря взаимодействию с другим, с противоположностью**». Бытие дано не в общем, т.е. оно не вообще дано, но «общее существует в действительности или чувственности только особенным способом***. С другой стороны, «каждое особенное бытие имеет также свою особенную общность»****.

Вот почему познание состоит в выделении, отыскании общего в частном, особенном. «Особенное есть мера общего»*****.

Далее, Дицген на примере теории эволюции Дарвина показывает огромное значение реальности видов, как целых, органических единств, позволяющих отличать одну совокупность разновидностей от других совокупностей разновидностей, противопоставлять одни виды другим.

Дарвин не только обогатил естествознание. Дарвин оказал неоценимую услугу также и логике. «Доказав, что птицы произошли от амфибий, он пробил брешь в неподвижной раньше классификации». Он внес в нее движение и жизнь. Зоологическое деление не постоянно, но сплошь изменчиво. «Происхождение видов» в живой форме рисует переход от одного животного вида к другому, их изменчивость и текучесть. Дицген видит величайшую заслугу Дарвина в том, что он показал, каким образом всеобщая мировая связь, мировая органическая связанность, родственность и взаимозависимость всех разновидностей есть реальный естественный факт.

Дицген правильно указывает на глубокую внутреннюю связь Дарвина с Гегелем. Гегель был гени-

* Выражение «конкретное понятие», а также первое обоснование этого понятия принадлежит, как известно, т. А. М. Деборину.

** Ibid., S. 23.

*** Ibid., S. 32.

**** Ibid., S. 33.

***** «Das Besondere ist (lass Mass des Allgemeinen», Ibid., S. 35.

альным предшественником теории эволюции Дарвина, Дарвин был гениальным завершителем теории познания Гегеля. «Эта последняя, – говорит Дицген, – есть учение о развитии, включающее не только возникновение всех видов животной жизни, но также возникновение и развитие всех вещей; это космическая теория всякого развития».

Дарвин устранил пропасти, вырытые религиозным мировоззрением между классами и видами, и заменил трансцендентальное сверхъестественное создание реальным саморазвитием. Как у Дарвина виды животных переходят один в другой, так и у Гегеля – все понятия, все группы явлений, все области духа и знания. И тот и другой учат, что везде имеются различия и противоположности, но они относительны, не чрезмерны. «Гегель предвосхитил Дарвина, но Дарвин, к сожалению, не знал нашего Гегеля», – говорит Дицген.

И подобно тому, как из всеобщей мировой связи противоположностей Дицген выводит и развивает мысль о реальности общего, так и примером Дарвина он пользуется для того, чтобы показать, как реально выражается относительный характер противоположности общего и частного, родового и видового в органической жизни.

Заслугу Дарвина в этом отношении Дицген видит в ясном, фактическом обнаружении реальности общего, т.е. вида. Соединение разновидностей в вид или соединение видов в единое царство есть не только дело логического акта, но и жизненный факт. До Дарвина классификация видов была делом чисто механическим. «До Дарвина соединение в одно царство всех животных от самых ничтожных до самых больших представлялось классификацией, существующей лишь в мысли, мысленной классификацией; после Дарвина эта классификация стала классификаци-

ей, существующей в природе»*. «До Дарвина, – пишет Дицген, – нам были известны только живущие отдельные экземпляры животных, животное вообще существовало лишь как отвлеченное понятие. Но со времени Дарвина мы узнали, что не только отдельные экземпляры, но и животное вообще является живым существом. Это собирательное животное существует, движется и изменяется, переживает историю, представляет собою организм, состоящий из многих членов... Он доказал нам, что собирательное животное представляет собою не мертвое отвлеченное понятие, а движущийся процесс, лишь скудную картину которого давало нам до сих пор наше познание».

Дицген совершенно ясно указывает, что под «животным вообще» он разумеет «собирательное животное». Из слов Дицгена совершенно ясно следует, что Дицген, как материалист, не мог допустить, чтобы животное вообще существовало рядом с отдельными экземплярами животного вида.

Карл Маркс : «Дицген прислал мне отрывок рукописи о «Способности мышления», который содержит в себе много превосходных и, как продукт самостоятельного мышления рабочего, достойных изумления мыслей». **Фридрих Энгельс**: «В рукописи много остроумия, и, несмотря на недостатки в грамматике, значительный стилистический талант. В общем же замечательный инстинкт, который помог придумать так много правильного при такой недостаточной подготовке».

4.

В знаменательную дату столетия рождения рабочего-философа, выдающегося идеолога-социалиста и просветителя-пропагандиста диалектического материализма, рабочий класс отмечает память одного из наиболее близких марксистских писателей-философов. Но мы бы совершили грубую ошибку, не подчеркнув, что рабочий читатель, изучая Дицгена, должен знать, что Дицген дает не всегда верное изложение марксистской философии. Дицген часто выражает свои мысли расплывчато и неясно.

* Письма о логике, русск. перев., изд. Дауге, 1908 г., стр. 131.

Когда неокантианские и эмпириокритические ревизионисты были разбиты наголову, за неясности и расплывчатые формулировки И. Дицгена ухватились, так называемые, «дицгенисты», рассматривавшие философию Дицгена как «дополнение» к марксизму. Кое-где И. Дицген путал, кое-где, благодаря расплывчатым формулировкам, он отступал от выдержанного материализма, и вместо того, чтобы в этой путанице некоторых понятий видеть слабость Дицгена, в ней ревизионисты видели его силу. За эти неясности, как известно, ухватились ревизионисты – «дицгенисты» и «махисты»: Евгений Дицген, Паннекук, Унтерманн, Фр. Адлер, Г. Экштейн. По стопам ревизионистов идут и наши механисты, порицающие Дицгена в «путанице» как раз за то, что на самом деле является заслугой Дицгена, как диалектического материалиста (А. Тимирязев и К°) *. По стопам ревизионистов, впрочем, и раньше шла Л. Аксельрод, критиковавшая его за кантианство и махизм как раз в том, в чем Ленин (в «Материализме и эмпириокритицизме») видел у Дицгена выдержанный материализм**.

В чем выражаются слабые стороны Дицгена?

В наши задачи не входит рассмотрение всех встречающихся у Дицгена недостатков, ошибок, неясностей, неточностей. Несомненно, при подробном анализе его рассуждений, у Дицгена нетрудно открыть и путаницу в понятиях, и ошибки. В данной связи мы отметим лишь общий характер его слабых сторон.

Это, во-первых, расплывчатость формулировок. Дицген, обращаясь непосредственно к рабочему, стремится к максимальной простоте изложения. Не давая точного определения употребляемых понятий, он прибегает к образам и аллегориям для пояснения своей мысли. Но язык образов и аллегорий мстит Дицгену. Его формулировкам не хватает ясности. Дицген сам сознавал и стремился выправить стиль.

«Я вынужден разрабатывать свои мысли, – писал он к Зорге 15 июня 1885 г., – до полной ясности. И вина – в моей слабости, если мне это не всегда удается. И так как я

имею теперь возможность повторяться, то у меня есть также возможность совершенствовать форму изложения».

Это, во-вторых, расплывчатая двусмысленная местами характеристика основных направлений в философии, ступшевывающая грань между ними, как и вообще между всеми противоположностями и различиями.

Дицген, – на это в свое время обратил внимание Ленин, – выступил на философское поприще тогда, когда плоская материалистическая философия Дюринга и Бюхнера была наиболее распространенным течением в передовой интеллигенции вообще и в рабочих кругах в частности. Совершенно естественно, – подмечал Ленин, – что Дицген, как и Маркс и Энгельс, должен был не на повторение старого обратить все свое внимание, а на подчеркивание того, чего у старых материалистов особенно недоставало, именно: диалектики. Дицген скорее боролся против вульгаризации материализма. Отсюда все его учение о всеобщей мировой связи, об относительности всех различий и противоположностей, о недопустимости всех «чрезмерностей» различения и обособления, наконец, о реальности идеального и общего.

Но Дицген не всегда замечает грани, отделяющей диалектику от релятивизма. Дицген нередко ограничивался подчеркиванием условности, относительности всех различий и противоположностей, но в относительном он видел только относительное и ничего более. Дицген боролся против представления о мире, как о чем-то мертвом, застывшем, неподвижном, но он не всегда умел отмежеваться самым решительным и недвусмысленным образом от идеализма. Например, по мнению Дицгена, различие между материей и сознанием не чрезмерно, не абсолютно, а относительно. Однако Дицген прав только в том смысле, что и то и другое реально существует, и что как раз этого не понимает старый антидиалектический, метафизический материализм. Но Дицген ошибается, когда благодаря расплывчатой формулировке, не замечая грани между релятивизмом и диалектикой, делает вывод, что недо-

* «Диалектика в природе», сб. 3, стр. 22

** В «Нашей Заре» 1913 г., № 9, стр. 7, и в сб. «Против идеализма». Ср. У А. М.Ш и ф р и н а, И. Дицген. Против идеализма и поповщины, Гиз, 1926 г., стр. 1й

статочен не старый, метафизический материализм, а материализм вообще*, и что противоположность между идеализмом и материализмом также условна. И уже совсем нельзя согласиться с Дицгеном, когда он предлагает расширить понятие материи, чтобы в него отнести и способность познания**.

Дицген не замечает, что сказать: «сознание есть часть бытия» значит допустить неясность, сделать шаг к путанице, к смешению идеализма и материализма. Для диалектического материализма Маркса и Энгельса мышление и сознание являются не просто «частью» бытия, но и его отражением. Дицген «уничтожение противоположностей» проводит дальше, чем требует материалистическая диалектика. Ни Маркс и Энгельс, ни Плеханов, ни Ленин не уничтожали противоположности между идеализмом и материализмом: они решительно объявили себя сторонниками материализма. Противоположность между материализмом и идеализмом не «примирима».

Это, в-третьих, недостаток диалектики. Он сказывается уже в выше отмеченном неумении Дицгена видеть в относительном не только относительное, но и абсолютное. Но недостаток материалистическо-диалектической школы еще глубже чувствуется и в способе мыслить, и в форме изложения. Маркс раскритиковал первое произведение Дицгена за слишком частые повторения, но, в сущности, и позднейшие произведения Дицгена являются лишь повторениями первого. Ни одна крупная работа Дицгена не дает органического развития темы. Дицген повторяет, доказывает, приводит новые и новые факты, оттенки, формулировки, но мысль не развивается как одно связное целое. Прав Маркс в своем отзыве о Дицгене в письме к Энгельсу от 4 октября 1886 г. Он писал в нем: *«Дицген всего лучше сделает, если изложит все свои мысли на двух печатных лис-*

тах и напечатает это, от своего имени, как кожевника. Если он опубликует их в том объеме, в каком он предполагает это сделать, то он осрамится благодаря недостатку диалектического развития и вращению в круге». Энгельс согласился с мнением Маркса и в ответном письме добавил:

«Диалектика есть, но больше в виде проблесков, чем в связи»... «Повторения, – писал Энгельс, – являются результатом и непривычки к логической школе». В ответе (от 7 ноября 1868 г.) на это письмо Маркс замечает: *«очень для Дицгена плохо, что он не изучил Гегеля»*.

Таковы слабые стороны произведений Иосифа Дицгена. За неясности и ошибки Иосифа Дицгена ухватились ревизионисты, пытаясь создать из них «дополнение» к Марксу и Энгельсу. Социал-демократический «Форвертс» в статье, посвященной столетию со дня рождения Дицгена в № от 9 декабря 1928 г., также проводит параллель между Дицгеном и Махом, усматривая положительное значение Дицгена в близости его к Маху и восхваляя Дицгена за отступления от «узкого материализма».

Мы чтим в Дицгене борца за диалектический материализм, но отмечаем «дицгенизм», созданный из его неясных, расплывчатых формулировок. Никакого «добавления» к марксизму Иосиф Дицген не дал и не мог дать. «Дицгенизм» в отличие от диалектического материализма, – говорил Ленин, – есть путаница, есть шаг к реакционной философии, есть попытка создать линию не из того, что есть великого в Иосифе Дицгене (в этом рабочем-философе, открывшем по-своему диалектический материализм, много великого!), а из того, что есть у него слабого».

Мы с Иосифом Дицгеном, но с «дицгенизмом» нам не по пути.

Декабрь 1928

* Cp. Ges. Schr., Bd. 1, S. 54, Bd. II. S. 213.

** Ibid., S. oo.

К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИИ Часть 2*. Свобода

С. Зубатов

Понятие *свободы* и отношение к нему в современной левой среде даёт нам ещё один пример того, какой **не** должна быть коммунистическая пропаганда. Так же как и рассмотренная нами в первой части статьи демократия, свобода сегодня красуется не на лозунгах коммунистов — как это было когда-то — а на лозунгах их идейных противников. Коммунисты же в лучшем случае обходят эту тему стороной, а в худшем — фактически подыгрывают контрреволюционной пропаганде, злобно шипя «много вам дала эта свобода?..» да «одной свободой сыт не будешь», не ставя при этом ни под малейшее сомнение того «факта», что контрреволюция принесла людям свободу, а не напротив — ограничила её. Нетрудно сообразить, что подобная пропаганда контрпродуктивна уже хотя бы потому, что противоположностью свободы является угнетение, рабство. Человека в принципе невозможно поднять на борьбу за собственное порабощение, максимум, на что способна сегодняшняя антилиберальная пропаганда — это вконец деморализовать народ и заставить его смириться с идеей неизбежности его угнетённого положения.

В чём основные моменты современной критики социализма с либеральных* позиций? Их два. Во-первых, чисто практический: приводится «признанный всем мировым сообществом» список свобод, которыми должен обладать человек и которых он был лишён в СССР и других странах социализма. Во-вторых, «теоретический»: утверждается, что коммунистическая идеология в принципе противостоит идее свободы, подменяя её «осознанной необходимостью»

(при этом обычно ссылаются на знаменитое «свобода — это рабство» из романа Джорджа Орвелла «1984»).

Итак, какие же практические претензии предъявляются социализму? Прежде всего, это ограничение на свободу предпринимательства и владения частной собственностью. Причём подаётся это как лишение человека возможности трудиться для повышения своего благосостояния и пользоваться плодами своего труда. Обвинения эти, однако, представляются несколько надуманными: действительно, советский человек не мог владеть заводом, но повышать своё благосостояние путём собирания грибов в лесу или ловлей рыбы в реке ему никто не мешал, никто не отбирал у него собранного или пойманного и в тюрьму за это не сажал. (Не считая случаев браконьерства, разумеется, но браконьеров сажают в тюрьму и при капитализме и это не вызывает каких-либо нареканий со стороны радетелей за права человека в СССР.) Запрещена в СССР была не частная собственность вообще, а один вполне конкретный её вид: частная собственность на *средства производства*. Запрет этот, как правило, обосновывается в терминах политической экономии, но нас в данном контексте интересует не это, а то, как он отражается на свободе граждан.

Начнём с того, что само словосочетание «свобода частной собственности» является оксимороном. Концепция частной собственности заключается как раз в **ограничении свободы** на использование чего-либо (объекта частной собственности) всеми, кроме

* «Часть I. Демократия» читайте в «Прорыве» № 4 (6) за 2003 год

** Т.е. с позиций протеста против ущемления свободы человека. Здесь следует отметить, что эта пропозиция протеста не имеет ничего общего с т.н. «экономическим либерализмом» (или даже «неолиберализмом»), пропагандируемым сегодня определёнными политическими кругами. Либерализм в экономике был таковым в период борьбы революционной буржуазии с феодализмом, сегодняшний же «экономический либерализм» является скорее экономической программой консерваторов, т.е. не является, строго говоря, либерализмом вообще, поскольку служит чему угодно, но только не делу борьбы с угнетением. Подробнее о концепции либерализма и его месте в системе политических сил общества можно прочитать в статье С. Зубатова «**Это сладкое слово — Свобода**» на сайте www.proriv.ru.

владельца. В некоторых случаях это ограничение является лишь чисто теоретическим — например, присвоение собранных в лесу грибов или выловленной в реке рыбы никак реально не ограничивает свободы любых других людей сделать то же самое. (В скобках заметим, что понятие браконьерства и связанные с ним ограничения на свободу присвоения продуктов своего труда возникают именно в тех случаях, когда мы имеем дело с *ограниченным ресурсом*, что означает уже не чисто теоретическое, а **практическое** ограничение свободы других людей за счёт присвоения кем-то этого ресурса.) В случае же частной собственности на средства производства (по крайней мере в условиях современного уровня развития производительных сил) мы имеем присвоение владельцем этих средств права решать, кто имеет право работать для повышения своего благосостояния, а кто — нет, т.е. именно **наличие** частной собственности, а не её отсутствие ведёт к ограничению свободы.

С учётом предыдущей претензии несколько странной выглядит следующее дежурное обвинение: ограничение свободы безделья. Правда, формулируется это обвинение обычно несколько иносказательно — наличие при социализме принудительного труда. Но и это обвинение на поверку оказывается не менее вздорным, чем предыдущее. Как только г-да апологеты буржуазных свобод переходят от абстрактного философствования к приземлённой экономике, они тут же забывают о недопустимости принудительного труда и начинают ругать социализм уже с прямо противоположных позиций. Во-первых, они утверждают, что практикуемое при социализме «внеэкономическое принуждение к труду» значительно менее эффективно, чем капиталистическое «экономическое принуждение». Опять же, не будем углубляться в то, насколько справедливо это последнее утверждение с точки зрения политической экономии, но тот факт, что степень индивидуальной свободы тем выше, чем ниже эффективность принуждения сомнений вызывать не может. Во-вторых, коммунизм (точнее, его высшая стадия) объявляется «невозможным строем» именно потому, что «никто там не захочет работать». Т.е. как раз по причине отсутствия какого бы то ни было принуждения к труду при коммунизме. (Насколько граждане коммунистического общества будут реально пользоваться этой «свободой безделья» — вопрос другой.) Но если при коммунизме эта свобода будет обеспечиваться за счёт крайне высокого уровня развития производительных сил, полной автоматизации и роботизации всех нетворческих видов труда — т.е. без ущемления интересов других людей — то та «свобода», за которую ратуют г-да капиталисты, это на самом деле — воз-

можность **принуждения** большинства народа обеспечивать бездельное существование избранных.

Из сказанного, разумеется, не следует делать вывод о том, что в СССР и других соцстранах не существовало вообще никаких ограничений свободы. Они были, более того — их не могло не быть в условиях наличия классового противостояния как внутри самих соцстран, так и на международной арене. Можно пойти даже дальше и сказать, что многие из этих ограничений были ошибочными и, в конечном итоге, послужили не последней причиной поражения социалистического лагеря. Но в виду этого тем более недопустимо строить коммунистическую пропаганду на принципах антилиберализма, которые не могут не завести нас в тупик**. Коммунистический идеал — это идеал именно свободы, а вовсе не «сильного государства», где все по струнке ходят. Государства при коммунизме не то что сильного, а и вообще никакого, как нашим товарищам следовало бы знать, не будет.

Перейдём к «теоретическому» обоснованию антилиберальной природы коммунизма, распространяемому буржуазной пропагандой. Прежде всего следует отметить, что вопреки распространённому заблуждению, утверждение «свобода есть осознанная необходимость» принадлежит отнюдь не кому-либо из классиков марксизма-ленинизма, а вполне уважаемому буржуазному философу Бенедикту Спинозе. Который действительно считал, что никакой свободы в природе не существует, поскольку наш мир полностью детерминирован. Поэтому если человек ощущает себя несвободным, то это лишь потому, что он до сих пор не осознал абсолютной необходимости всех тех злоключений, что с ним происходят. Познай истину — и освободишься.

Но то был Спиноза, взгляды которого к коммунизму имеют достаточно слабое отношение. Позаимствовавший же у него эту мысль другой не менее уважаемый буржуазный философ — Георг Вильгельм Фридрих Гегель сформулировал её несколько иначе: *«Необходимость как таковая ещё не есть свобода, но свобода имеет своей предпосылкой необходимость и содержит её в себе как снятую.»* И уже только в этой диалектической форме она перешла в марксистскую философию.

Понятие свободы в диалектическом материализме не только существует, но и имеет вполне конкретное содержание: она означает способность человека добиваться поставленных целей. Из чего можно вывести два следствия: во-первых, что свобода человека всегда ограничена — поскольку далеко не все мыслимые цели объективно достижимы, во-вторых, что она субъективна, поскольку множества целей разных

** Что, разумеется, ни в коей мере не означает перехода на позиции соглашательства с либералами. Правильное отношение к возможному сотрудничеству с либералами (и любыми другими политическими силами вообще) отражено, например, в статье Ленина «**Рабочая и буржуазная демократия**».

людей могут не совпадать. В результате освобождение человека также сводится к познанию, но уже не в строго детерминистском смысле «чему быть — того не миновать», а к познанию законов природы, что даёт нам возможность как понять объективные ограничения нашей свободы (и избавиться, таким образом, от субъективного ощущения несвободы), так и найти средства достижения наших объективно достижимых целей.

Рассмотрим наглядный пример: человек пытается выбраться из лабиринта. Пока он не имеет никакого представления ни об этом конкретном лабиринте, ни о лабиринтах вообще, он несвободен, хотя чисто формально и волен сворачивать в любой коридор, в который ему вздумается — поскольку (если лабиринт достаточно большой и запутанный) он не в состоянии добиться поставленной цели и, скорее всего, так в лабиринте и останется. В то же время если человек знает план лабиринта или какой-нибудь достаточно надёжный алгоритм выхода из него, это, с одной стороны, освобождает его, позволяет добиться поставленной цели, но с другой — пол-

Бenedикт Спиноза: «свобода есть осознанная необходимость»

ностью детерминирует его действия: человек уже не случайно блуждает по коридорам, его движения починаются объективной необходимостью, определяемой планом лабиринта или алгоритмом выхода.

На этом примере мы можем проследить диалектическую зависимость между свободой и необходимостью: свобода в выборе (достижимых) целей оказывается обусловлена знанием того, что нам **необходимо** совершить для их достижения. Знание плана лабиринта **не** вынуждает человека продвигаться к выходу кратчайшим путём, но он с необходимостью — и притом совершенно добровольно — проделает именно это если он поставит своей целью выйти из лабиринта. Его действия, разумеется, будут совершенно другими, если он поставит своей целью что-нибудь другое, например — обойти весь лабиринт. Но и в этом случае человек добровольно, безо всякого принуждения выберет именно тот маршрут, который оптимален с точки зрения поставленной им перед собой задачи. Наша свобода, таким образом, обуславливается (А) наличием знаний об объективно необходимых действиях, которые нам предстоит совершить для достижения наших целей, и (Б) отсутстви-

ем препятствий для совершения этих действий.

Возразить против такой трактовки свободы в общем-то нечего и мало кто из современных буржуазных философов реально возражает. Тем более, что ничего специфически «коммунистического» в ней нет. Некоторые разногласия начинаются тогда, когда мы переходим от свободы вообще (т.е. «человек против вселенной») к свободе в *обществе* (т.е. «человек против других людей»), но и в этом случае разногласия возникают скорее между различными буржуазными точками зрения, чем между коммунистической и буржуазной.

Легко видеть, что технически вполне достижимые цели разных членов общества могут вступать в неразрешимый конфликт друг с другом. К примеру, если индивид А вознамерился убить индивида Б и добился задуманного, он очевидно перечеркнул все планы индивида Б относительно своей дальнейшей жизни. Очевидно, что в такой ситуации свобода по крайней мере части (реально — большинства) людей не может не быть каким-то образом ограничена (имеется в виду — сверх чисто физических ограничений материального мира). Что приводит нас к

вопросу: в какой степени каждый конкретный человек имеет право в своём личном (и абсолютно естественном для каждого нормального человека) стремлении к свободе ограничивать свободу других людей (включая как «ближних», так и «дальних»)? За время существования человечества было предложено множество очень разных ответов на этот вопрос, обосновываемых самыми разными способами — от религиозно-схоластических, до чисто практических — но мы здесь ограничимся лишь двумя из них, лежащими в противоположных концах спектра.

Первое решение наиболее последовательно отражено в философии Фридриха Ницше и на первый взгляд представляется достаточно логичным. Заключается оно, фактически, в полном отрицании человеческого общества, как специфической формы существования материи (или духа, если рассуждать в терминах идеализма). Препятствия, чинимые воле человека другими людьми, являются, таким образом, неотличимыми от препятствий, чинимых любыми другими силами природы, и освобождение человека заключается в преодолении воли других людей, в превращении в сверхчеловека, стоящего «по ту сторону добра и зла». Лишь избавившись от оков нравственности, выпустив на волю заключённую в себе «белокурую бестию», можем мы добиться абсолютной сво-

боды.

Нетрудно понять, что подобная свобода от общества реально достижима лишь для одного человека. Но действительно важное противоречие заключается отнюдь не в этом — в конце концов степень свободы человека даже в отсутствие других людей в значительной степени определяется его личными физическими и умственными возможностями, так что ограниченность свободы более мелких «белокурых бестий» вполне может быть рассмотрена как естественная ограниченность, обусловленная объективными условиями окружающего мира — наличием поблизости более крупных «белокурых бестий». Настоящее противоречие нищезанства заключается в том, что вся история человечества наглядно и неоспоримо доказывает (и в последний раз — на примере Третьего Рейха), что избавиться на этом пути от оков общества всё равно не удаётся. На деле всегда оказывается, что **именно** общество в конце концов и становится тем инструментом, с помощью которого воля одних (или даже только одного) подавляет волю других. Попытка избавиться от гнёта общества над личностью приводит в результате к образованию предельно несвободного общества.

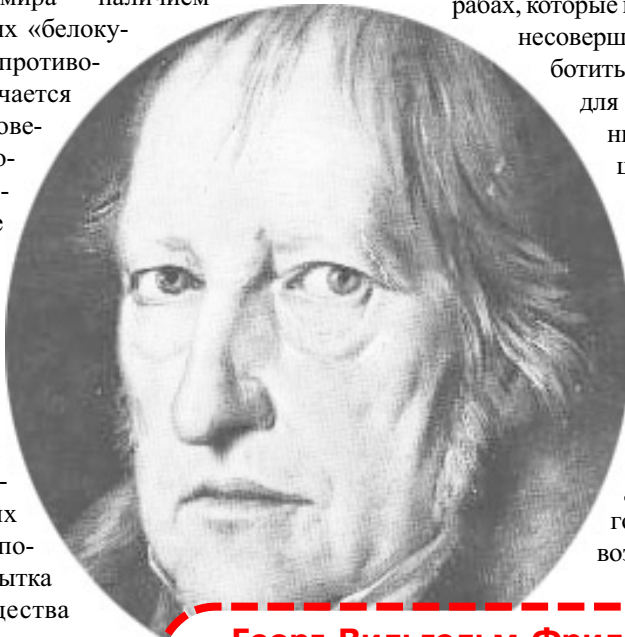
Второе решение проблемы свободы человека в обществе базируется на этических идеях другого философа — Иммануила Канта, а конкретно — на его т.н. «категорическом императиве», который формулируется в виде двух взаимосвязанных утверждений:

- Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом.
- Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого также как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству.

Первое из этих утверждений провозглашает, по существу, равноправие всех людей. Однако **сама по себе** концепция формального равноправия — а именно на неё одну, в отрыве от всего прочего, обычно и нападает буржуазная пропаганда — говорит ещё мало о чём. Если вернуться к нищезанской концепции свободы, то мы увидим, что даже она вполне удовлетворяет этому, взятому отдельно, критерию: все «белокурые бестии» равны в праве вцепиться друг другу в глотку, а никаких других прав в природе вообще не существует и существовать не может.

Второе утверждение формально декларирует недопустимость *эксплуатации* — т.е. использования одним человеком другого как средства для достижения своих собственных целей. Оно уже прямо противоречит нищезанству, поскольку не позволяет рассматривать других людей лишь в качестве элементов пейзажа, а недвусмысленно требует учёта их интересов. Однако и оно, взятое отдельно, вне контекста равноправия, допускает слишком широкие интерпретации. В частности, классическое рабовладение достаточно хорошо укладывается в его схему: хозяин заботится о рабах, которые в силу своего имманентного несовершенства не в состоянии позаботиться о себе сами, быть рабами для них и выполнять все указания хозяина — в их наилучших интересах.

В то же время в совокупности обе эти части «категорического императива» дают нам определение общества, которое мы, по-видимому, можем считать свободным. Запрет на использование человека в качестве средства для достижения целей другого человека гарантирует возможность стремления каж-

Георг Вильгельм Фридрих Гегель:

«Необходимость как таковая ещё не есть свобода, но свобода имеет своей предпосылкой необходимость и содержит её в себе как снятую.»

дого именно к достижению **своих** целей, а равноправие обеспечивает как **самостоятельную** постановку этих индивидуальных целей (в отличие, например, от уже упомянутого выше рабства, где раб вполне может искренне верить в то, что навязанные ему рабовладельцем цели являются его собственными), так и наличие *критерия достижимости* индивидуальных целей.

Последнее утверждение требует несколько более детального пояснения. Постольку, поскольку человек существует в обществе, практический интерес представляет лишь концепция индивидуальной свободы **в рамках** общества. При этом на примере нищезанской философии мы видим, что попытки свести влияние общества в вопросе индивидуальной свободы к нулю приводят лишь к усилению влияния общества в плане **ограничения** индивидуальной свободы. Иными словами, общество всегда играет самую активную роль в определении степени индивидуальной свободы его членов. Что приводит нас от концепции индивидуальной свободы к концепции *свободного обще-*

ства, т.е. общества, **гарантирующего** индивидуальную свободу своих членов, являющегося **источником** их свободы.

Но в таком случае действия человека, направленные на разрушение этого (свободного) общества, не являются действиями свободного человека, поскольку ведут именно к ограничению его свободы за счёт разрушения самого источника этой свободы. Подобные действия можно сравнить со «свободным» запираем самим себя в клетку и выбрасыванием ключа. Что опять приводит нас к понятию свободы, как осознанной необходимости: человек теоретически волен запереть себя, но практически никогда не сделает этого, поскольку он осознаёт необходимость находиться вне запертой клетки для того, чтобы быть свободным. Именно это знание делает цель запереться в клетке эффективно недостижимой — не в смысле отсутствия физической возможности сделать это но в смысле, что ни один человек в здравом уме и твёрдой памяти никогда не поставит перед собой подобной цели.

Тем не менее, наша аналогия с клеткой не вполне корректна. Разрушение свободного общества действительно не может не привести к ограничению свободы, однако, **не обязательно всех** его членов. Изучение объективных законов функционирования общества и соответствующее просвещение его членов, таким образом, хотя и превращают — как и в случае с клеткой — антиобщественные цели в эффективно недостижимые, но лишь *en masse*, в то время как для **некоторых** членов общества эти цели вполне могут быть и достижимыми и желанными, поскольку их личная индивидуальная свобода в несвободном обществе окажется шире, чем универсальная индивидуальная свобода в свободном обществе.

Это — то самый неразрешимый конфликт, о котором мы говорили выше, когда расширение свободы одного может быть достигнуто лишь за счёт сокращения свободы другого. Однако «неразрешимым» он был лишь до тех пор, пока у нас не было критерия для определения, чья свобода должна превалировать в каждом конкретном конфликте. Сейчас же у нас этот критерий есть: превалировать должна универсальная свобода, предоставляемая в равной степени всем членам свободного общества. При этом конкретное содержание этой универсальной свободы должно определяться не чьим-то субъективным желанием, а знанием объективных социологических законов.

Как видим, во всех вышеприведённых рассуждениях, отражающих диалектико-материалистическое понимание свободного общества, по-прежнему нет ничего специфически коммунистического, что хоть в какой-то степени противоречило бы общепринятой сегодня буржуазной точке зрения. На самом деле, ком-

мунистические взгляды на проблемы свободы являются лишь наиболее последовательным развитием концепций, предложенных буржуазной философией. Коммунисты действительно отрицают целый ряд т.н. «буржуазных свобод» (в особенности — экономического характера), но отнюдь не потому, что на их вкус они «слишком свободны», а как раз наоборот: потому что на деле они **противоречат** той самой идее свободного общества, ради поддержания которого они, предположительно, и должны соблюдаться.

При этом основной подлог, практикуемый буржуазной пропагандой заключается в неявной, но **намеренной** подмене *целей*, которые ставит перед собой человек, *средствами*, которые он использует для достижения этих целей. Значительная часть «буржуазных свобод» является на деле именно такими средствами, а не самодостаточными целями. В частности, реально человек стремится, как правило, не к владению собственностью, как таковому, а к гораздо более простым, понятным и естественным вещам — к тому, чтобы он и его близкие ни в чём не нуждались, всегда сытно и вкусно ели, мягко спали и т.п. К примеру, даже в такой предельно частнособственнической стране, как США, люди нередко берут автомобиль в лизинг (особый вид аренды) вместо того, чтобы покупать его. Причём наиболее характерно это именно для высокооплачиваемых слоёв населения. Почему так происходит? Потому что в действительности целью человека в данном случае является *использование* автомобиля (как транспортного средства, для пускания пыли в глаза соседям и знакомым, очаровывания лиц противоположного пола и т.д.), а отнюдь не владение им. Лизинг же — это, в определённых ситуациях, более оптимальный (дешёвый) способ добиться всех этих целей, чем покупка. И знание этого факта — в полном соответствии с нашей «теорией свободы» — детерминирует поведение человека в плане выбора пути достижения своей цели: взглянув на цены он совершенно добровольно и без какого-либо ощущения несвободы отказывается от владения автомобилем, как своей частной собственностью.

Буржуазная пропаганда старательно насаждает веру в то, что её набор «буржуазных свобод» — это и есть подлинная свобода. Причём сила этой пропаганды в том, что в ней гораздо больше правды, чем откровенной лжи. Коммунисты же, вместо того, чтобы обнаружить и вскрыть действительные противоречия в идеологических построениях противника, очень часто бросаются слепо отрицать всё вообще. Что никакой пользы, кроме вреда, конечно не приносит.

Январь-февраль 2004

ПОЛИТИКА

ПРАВИЛЬНАЯ ПОЛИТИКА – ПРИНЦИПИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

В. Новак

«Массы не поймут, массы не примут». К сожалению, к таким «аргументам» весьма часто прибегают современные коммунисты в спорах о вопросах своей стратегии, тактики и текущей политики. Более того, из страха, что массы их не поймут, а потому и не пойдут за ними, некоторые коммунисты изо всех сил стараются подстроиться под это самое «понимание» масс, даже до такой степени, что уже докатились до признания права «коммунистов» на религиозность. Но давайте конкретизируемся, отбросим общие фразы и назовем те положения марксизма, которые массы, якобы, не способны сегодня понять и принять. Не отвлекаясь на мелочи, выделим только два из самых, по утверждениям таких «коммунистов», «не понимаемых» и «не принимаемых». **Первое** - требование установления диктатуры пролетариата и преобразования буржуазного «демократизма» в пролетарский, советский демократизм; **второе** – отмена частной собственности, национализация и обобществление экономики. И сразу же обратим внимание, что **самыми «НЕ ПОНИМАЕМЫМИ» для масс оказываются самые НЕ ПРИНИМАЕМЫЕ... буржуазией вопросы.** Не странно ли такое «совпадение»? Конечно же, нет и, как не верти, а абсолютно очевидно, что здесь, под прикрытием ссылки на некое «не понимание» масс, протаскиваются вполне конкретные классовые интересы буржуазии. Отсюда естественный вывод, что «коммунисты», которые используют подобные «аргументы», на деле являются, не больше и не меньше, оппортунистами и проводниками интересов буржуазии. Ведь именно за то партии типа КПРФ и КПУ коммунисты относят к оппортунистическим, что они вообще изъяли из своих планов как раз эти «не принимаемые» положения. С другой стороны, всякие ссылки коммунистов на «непонимаемость» массами каких-то положений марксизма служат лишь прикрытием их собственного невежества или оправданием собственной бездеятельности. Ибо сущностная правда марксизма объективна и не перестает быть правдой, даже если она временно и не понимается кем-то, она не

перестает от этого быть правдой. Поэтому уклонение от ее постижения либо прямого пропагандирования в массах есть беспринципная и заведомо пораженческая позиция, которая не просто чужда, но враждебна коммунистам. В то же время принципиальная верность марксизму это не только верность правде, но и гарантия от ошибок, гарантия правильного ведения борьбы с более грамотным и более подготовленным классовым противником.

Вот отношение вождей и классиков коммунизма к данному вопросу:

«Вожди партии не могут не дорожить мнением большинства своей партии. Большинство - это сила, с которой не может не считаться вождь. Ленин это понимал не хуже, чем всякий другой руководитель партии. Но Ленин никогда не становился пленником большинства, особенно, когда это большинство не имело под собой принципиальной основы. Бывали моменты в истории нашей партии, когда мнение большинства или минутные интересы партии приходили в конфликт с коренными интересами пролетариата. В таких случаях Ленин, не задумываясь, решительно становился на сторону принципиальности против большинства партии. Более того, - он не боялся выступать в таких случаях буквально один против всех, рассчитывая на то, - как он часто говорил об этом, - что: «принципиальная политика есть единственно правильная политика». Особенно характерны в этом отношении два следующих факта.

Первый факт. Период 1909 -1911 гг., когда партия, разбитая контрреволюцией, переживала полное разложение. Это был период безверия в партию, период повального бегства из партии не только интеллигентов, но отчасти и рабочих, период отрицания подполья, период ликви-

даторства и развала. Не только меньшевиков, но и большевиков представляли тогда целый ряд фракций и течений, большей частью оторванных от рабочего движения. Известно, что в этот именно период возникла идея полной ликвидации подполья и организации рабочих в легальную либеральную столыпинскую партию. Ленин был тогда единственным, который не поддавался общему поветрию и высоко держал знамя партийности, собирая разрозненные и разбитые силы партии с удивительным терпением и с небывалым упорством, воюя против всех и всяких антипартийных течений внутри рабочего движения, отстаивая партийность с небывалым мужеством и с невиданной настойчивостью.

Второй факт. Период 1914 -1917 гг., период разгара империалистической войны, когда все, или почти все, социал-демократические и социалистические партии, поддавшись общему патриотическому угару, отдали себя на услужение отечественному империализму. Это был период, когда II Интернационал склонил свои знамена перед капиталом, когда перед шовинистической волной не устояли даже такие люди, как Плеханов, Каутский, Гэд и другие. Ленин был тогда единственным, или почти единственным, который поднял решительную борьбу против социал-шовинизма и социал-нацифизма, разоблачал измену Гэдов и Каутских и клеймил половинчатость межееумочных «революционеров». Ленин понимал, что он имеет за собой незначительное меньшинство, но это не имело для него решающего значения, ибо он знал, что единственно верной политикой, имеющей за собой будущность, является политика последовательного интернационализма, ибо он знал, что принципиальная политика единственно правильная политика. Известно, что и в этом споре за новый Интернационал Ленин оказался победителем.

«Принципиальная политика есть единственно правильная политика» - это та самая формула, при помощи которой Ленин брал приступом новые «неприступные» позиции, завоевывая на сторону революционного марксизма лучшие элементы пролетариата». (И. Сталин, «Правда» № 34, 12 февраля 1924 года).

Именно этой ленинской формулой и никак иначе должны руководствоваться настоящие коммунисты в своей борьбе, поэтому им пора отказаться от навязываемой буржуазией и ее оппортунистическими подпевалами плюралистической беспринципности и вновь начать принимать решения, исходя из принципиальных позиций марксизма. Даже если эти позиции по тем или иным причинам пока не желают признавать или понимать некие массы, коммунисты просто обязаны это сделать и переломить ситуацию так, чтобы не плестись на поводу обывателя и отсталости, в большинстве своем не только объективно отстающих в развитии, но и пребывающих под прессом оболванивания буржуазной пропаганды, а увлекать и вести за собой, за своей правдой, все более широкие массы. Ведь правда за коммунистами и их принципиальность это не какой-то твердолобый догматизм или упрямство замшелых ретроградов, но верность объективной правде жизни, объективной действительности. Марксизм определил и научно оформил эту правду. Относительно капитализма она утверждает, что, во-первых, экономически капитализм все более становится несостоятельным, ибо, выработав свой положительный ресурс, тормозит производительный прогресс человечества, и, во-вторых, отношения между людьми при капитализме строятся на социально несправедливых и античеловечных основах. Эти утверждения объективно подтверждаются всей современной жизнью. В то же время, сила марксизма не только в том, что он объясняет правду жизни, но, прежде всего, в том, что он выводит конкретные предложения и по установлению этой правды в жизни. Поэтому политика, принципиально построенная на таких исходных положениях, не может быть неправильной. И только принципиальная верность таким положениям способна обеспечить коммунистам проведение правильной политики и приблизить победу, в то время как всякое приспособленчество под настроение или понимание масс лишь отдаляет ее.

Возвращаясь к вопросу о не понимании марксизма современными рабочими массами, необходимо сознавать, что вся масса рабочего класса неоднородна. Она включает в себя и недостаточно развитые или отсталые его слои, которые естественно привносят с собой в класс «реакционные» качества консервативности, косности, забитости. Но бояться этой отсталости, пытаться обойтись без нее, перепрыгнуть через нее есть величайшая и преступная для коммунистов глупость. Роль коммунистов, как пролетарского авангарда, как раз и состоит в обучении, просвещении, воспитании,

вовлечении в новую жизнь наиболее отсталых слоев и масс рабочего класса и крестьянства. Это именно та роль, от которой всегда отказываются все оппортунисты. К тому же, начать строить социализм возможно лишь из того человеческого материала, который оставлен капитализмом. На практике для коммунистов это означает сложную и разнообразную работу пропаганды, агитации, обучения, воспитания, прежде всего, в направлении воспитания в рабочих массах социалистического сознания и исключительно на принципиальной марксистской основе. **Освещение всех поднимаемых вопросов должно даваться без всяких потачек умышленным или неумышленным искажениям марксизма**, ибо здесь не может быть места никакому приспособленчеству.

Что понимать под социалистическим сознанием? **Сознание рабочего может быть признано социалистическим если: он признает необходимость и неизбежность переустройства всего уклада жизни, т.к. видит свое собственное освобождение в уничтожении всех бесчеловечных жизненных условий современного общества; он понимает миссию и роль рабочего класса, как той решающей силы, которая единственно способна победить капитализм; он осознает себя классом, который ведет политическую борьбу за власть; он выделяет свой класс и понимает, что рабочий класс не рядовой участник освободительного движения трудящихся, а ВОЖДЬ и АВАНГАРД этого движения; он умеет видеть каждый другой общественный класс и приучен откликаться на все и всяческие случаи произвола и угнетения, к каким бы классам и национальностям не относились эти случаи.**

Воспитание социалистического сознания у рабочих дело трудное, длительное и кропотливое, зачастую невидимое и неосязаемое. На его пути стоят мощные препятствия, как субъективные, искусственно возводимые классовым противником, так и объективные, порожденные многовековым угнетением трудового народа - необразованностью, забитостью, задавленностью трудом и бытом, привычками и традициями. Но решать эту задачу надо в первую очередь, ибо только с ее решением

может быть создана настоящая, готовая к решительным классовым боям пролетарская армия. И не отчаиваться, не поддаваться унынию, а упорно вести свою работу, преодолевая невежество, косность, лень, отбивая буржуазные атаки и отражая оппортунистические происки. Ее количество рано или поздно перейдет в качество, а жизнь заставит рабочих снова пройти путь от бытового попрошайничества к полноценной политической борьбе, от класса в себе в класс для себя.

Однако воспитание социалистического сознания в рабочих массах есть лишь часть, хотя и самая важная, работы коммунистов. Одновременно с ней они должны вести последовательную политическую работу по сбиванию рабочих в класс и по воспитанию его революционной активности. В противовес трэд-юнионистскому прозябанию в

ожидании подачки или реформы от буржуазии, которое только разлагает рабочий класс и сдерживает общий процесс развития его революционности, приучать рабочих ставить решительные цели и воспитывать в них решитель-

ность при достижении этих целей. И в этом случае, неоспоримой аксиомой в практической работе для настоящих коммунистов должно быть твердое марксистское убеждение - **залогом успешности их борьбы может быть лишь то, что они всегда будут признавать революционно-классовые принципы как единственно возможные для ее победного исхода, всегда будут выделять рабочих, всегда будут подчеркивать их классовую и политическую самостоятельность, всегда будут выдерживать классовую линию всей своей деятельности.**

Может ли отступить хоть от одного из приведенных положений коммунист, не перестав быть при том коммунистом. И это независимо от того, поймут или не поймут его массы, примут или не примут. Ясно одно, что, не реализовав эти положения, даже говорить о коммунизме не приходится.

Переломить ситуацию, не идти на поводу отсталости и консервативности, а поднимать рабочую массу до уровня сознательности передового класса – вот решающая задача настоящих коммунистов и коммунистических партий сегодня.

МНЕНИЕ ПО ПОВОДУ

Наблюдая за развитием президентской избирательной кампании в России, вновь приходится отмечать досадно широкий диапазон, а, фактически, разницей, в понимании коммунистами ее смысла, характера и определения, исходя из этого, своего отношения к ней. Большинство склоняется к бойкоту, что имеет под собой определенные основания – кампания, мол, безальтернативна и участие в ней бессмысленно. Но так ли это? Думается, что нет. Ибо исходить здесь надо из общих интересов коммунистического движения. Поэтому странной видится позиция одного из руководителей коммунистического движения России, отклоняющего бойкот по причине слабости и неподготовленности коммунистических сил к нему. Как будто бы при хорошей организованности и соответствующем передовом настроении масс бойкот смог бы удался. Коммунисты, безусловно, и в этом случае кампанию проиграют. Ибо игра идет по шулерским правилам буржуазии, т.е. беспроигрышно для нее. Речь как раз и должна идти об использовании этой кампании для подготовки и сорганизовывания коммунистических сил, для выведения, как раз на ее примере, отсталых масс на передовые революционные позиции, исходя не из потребности какой-то победы, а из потребности разоблачении фальши и данной «избирательной» кампании, и всего буржуазного «демократизма» в целом.

Что может наиболее эффективно способствовать проведению в жизнь именно этой линии? В *данной конкретной ситуации*, по видимому, - **самое активное участие в «выборах»**. Но... участие в поддержку кандидата **«ПРОТИВ ВСЕХ»**. Используя это достижение буржуазного «демократизма», развернуть, насколько возможно и в соответствии с имеющимися юридическими нормами, агитацию именно за такого кандидата. Сделать единым кандидатом коммунистов господина **«ПРОТИВ ВСЕХ»**. Каковы доводы в пользу такого предложения. Во-первых, данная позиция более действительна, чем пассивный бойкот. Во-вторых, такого кандидата уже поддерживает немало избирателей, т.е. у них находит отклик эта достаточно активная и доступная форма протеста. Дополненная теми, кто не придет, в силу разных причин, вообще, включая и бойкот отдельных организаций, она сможет продемонстрировать истинное отношение масс к существующему строю и его «демократии». Продемонстрировать не режиму, который и так знает о своей «популярности» в народе, а именно российскому обществу, что гораздо важнее для развития революционного движения. В-третьих, на обосновании

этой позиции можно организовать мощную идеологическую кампанию по разоблачению и режима в частности, и буржуазного строя в целом, воспитывать массы и выводить их на передовые позиции.

Однако существенно важной в настоящих условиях является возможность именно с данной позиции наиболее решительно одернуть наглеющую российскую буржуазию. Не просто пассивным уклонением от выборов, что немедленно будет как-то извращено буржуазной пропагандой и интерпретировано в пользу буржуазии, а прямым и неопровержимым выражением отторжения массами любых ее выдвиженцев. Это исключительно важно сегодня. Провалившаяся во всех своих начинаниях и обещаниях, почувствовавшая опасность расплаты за содеянное и творимое, осознающая собственную неспособность улучшить состояние дел в обществе и поддерживающая свое положение в нем массивной ложью купленных СМИ, но при всем том не желающая уступать свое господство, **русская буржуазия объективно становится перед необходимостью фашизации общественных порядков**. Сейчас ей еще удастся выезжать на очередных обещаниях. Но и здесь ресурс доверия уже исчерпывается, ибо обещания не подтверждаются никакой конкретной для масс людей пользой, а выдаются лишь как авансы под голословные гарантии нынешнего президента, «авторитет» которого, искусно раздуваемый теми же СМИ именно для целей создания видимости надежности гарантий, катастрофически начинает тускнеть. Да и о каких достижениях можно говорить, когда наибольший последний «успех» путинской России, о чем, захлебываясь от заказного восторга, трубили все СМИ – отливка самого большого церковного колокола. Символично, что как раз в день его доставки в Сергиев Посад, американский марсоход сошел на поверхность Марса. Случайное совпадение? Отчасти. Но главное, наглядное отражение нынешнего положения России, опущенной буржуазными преобразованиями до первобытной пещерности.

Надо отметить, что нацеленность на фашизацию не есть каким-то из ряда вон выходящим исключением из правил буржуазной общественной жизни. Будь то российской, украинской, грузинской или американской. Она является всеобщим и не переменным правилом жизни буржуазного общества и проистекает из объективной агрессивности собственно капитала, который всегда и при всяких условиях стремится не к достижению взаимопонимания, а исключительно к господству. Вся же так называемая демократичность буржуазного общества не есть его собственное достижение, а является результатом длительной и упорной классовой

борьбы, постоянного противоборства класса трудящихся с господствующим классом эксплуататоров. Именно под напором первого идет процесс демократизации общества. Однако, любое ослабление давления класса трудящихся немедленно использует буржуазия, усиливая свое господство, а с ним и через него эксплуатацию масс людей. В случае же опасности грозящей для ее существования, она не только мобилизует все свои силы, в том числе мировые, но и ужесточает диктаторство, включая и самый последний свой «аргумент» - фашизм, без всяких церемоний переступая через все демократии.

Опасность фашизации современной России уже просматривается в буржуазно-диктаторском отлаживании ее государственной машины. В частности, Государственная Дума последнего созыва сегодня представляет собой законченно диктаторский по организации и агрессивно буржуазный по характеру механизм, пусть пока и работающий в режиме – «демократия». К этому надо добавить, что руководит ею бывший министр внутренних дел, а сам Президент является выходцем из спецслужб. Нельзя забывать и об упорной устремленности нынешних властей к переводу армии на так называемую контрактную основу, а, по сути, превращение ее в армию наемников, готовых выполнить любой приказ тех, кто им платит. Чем не государственное заказное киллерство буржуазии. Если подытожить, то очевидными становятся складывающиеся возможности для установления в стране буржуазной диктатуры фашистского типа. По видимому, к тому и ведется, ведь, после всех капиталистически-демократических провалов, выливающих в беды огромных масс людей, Россия рано или поздно, но непременно, станет перед выбором дальнейшего пути, а он может быть лишь одним – коммунистическим. Вот и готовится российская буржуазия загодя и исподволь к такому повороту, подготавливая «законные» возможности для наведения своего порядка. Так что, когда в недалеком будущем в очередной раз проявятся недееспособность и полная враждебность существующего строя подавляющему большинству населения страны, когда дутое «величие» президента с треском лопнет, а глухой ропот масс людей начнет заменяться активным их противодействием, то режим, безусловно, не только вспомнит о своих возможностях, но и, не колеблясь, воспользуется ими. Хотя бы под предлогом «священной» борьбы с терроризмом.

Воспрепятствовать такому развитию событий способны лишь коммунисты, своей принципиальной и активной позицией, своей правдой и авторитетом в массах трудящегося класса. Сегодня, призывом к голосованию «ПРОТИВ ВСЕХ», коммунисты могут обозначить не только собственное отношение к президентству со всем шутовством его «выборной» кампании, но и подсказать широким массам способ активного выражения собственного мнения о существующих порядках. По-видимому, это наиболее целесообразная форма коммунистического отношения к выборам президентов не только в данной конкретной ситуации путинщины, а и вообще, разве что за каким-то редчайшим исключением в президентских и подобных им «избирательных» кампаниях, исходя из того, что все буржуазные кампании такого типа изначально предполагаются, а затем и превращаются в опереточный фарс, постыдное шулерство и политическое шутовство. Другими в буржуазных условиях они попросту и быть не могут. Очень ярко продемонстрировала это ЛДПР. Чем бы ни руководствовался Жириновский, но его решение о выдвижении собственного охранника (не в насмешку тому лично) оказалось наиболее наглядной, эффектной и эффективной демонстрацией всего шутовства современного российского буржуазного «демократизма». И не это ли же только в последнее время продемонстрировали и «выборы» Матвиенко, и «выборы» Кадырова, и «выборы» Саакашвили.

Тактическую негибкость, граничащую с очередным предательством, проявила КПРФ, выдвинув собственного кандидата в данных условиях. Харитонов Путину не конкурент. Это ясно без всяких объяснений. Однако сам факт его участия не только спасает нынешнюю президентскую кампанию от возможного бойкота значительным количеством избирателей левых взглядов, но, что существеннее, придает ей некий политический вес и не позволяет довести эту кампанию абсурда до полного абсурда.

Так представляется ситуация и отношение к ней из СНГовской глубинки. В то же время, российские коммунисты должны всегда помнить о своей ответственности не только перед российским народом, но и перед мировым коммунистическим движением, которое обоснованно видит в них и свой авангард, и своего вождя.

Декабрь 2003 - январь 2004

ПОЛИТИКА

С ПРАЗДНИКОМ,
«ДОРОГИЕ РУССИЯНЕ»!А. Каллистов

12 декабря 2003 года режим с шумом отметил десятилетие со дня принятия «всенародным голосованием» Конституции РФ 1993 года. Что же, есть повод и нам с вами, «дорогие россияне», вспомнить события десятилетней давности и дать свою оценку этому «документу».

И, прежде всего, рассмотрим вопрос о легитимности и правовой обязательности этого документа. Как известно, после окончания Второй мировой войны и разгрома коалиции стран оси Берлин-Рим-Токио была учреждена Организация Объединенных Наций (ООН), в которую в настоящее время входят все независимые государства. Уставом ООН и другими документами были определены и основополагающие нормы международного права, в том числе и положение о референдуме.

Здесь мы выделим, два основных положения. Итоги референдума могут быть признаны, если ответ на один из вопросов или на единственный вопрос соберет голоса более половины людей, участвующих в референдуме, при условии участия в нем такого количества населения, при котором это волеизъявление будет волей более половины населения. И второе - решение участвующих в референдуме может быть отменено или изменено **только** проведением повторного референдума с тем же контингентом граждан и получением иного результата большинством, превышающим большинство предшествующего всенародного опроса.

Как известно, РФ являлась союзной республикой в составе союзного государства - СССР, что и отражено в текстах Конституций СССР и РСФСР. 17 марта 1991 г. на территории СССР был проведен референдум по вопросу о том, желают ли граждане сохранения союзного государства. Ответили утвердительно 76,4 %.

Несмотря на это, изменники Родины Ельцин, Кравчук и Шушкевич в декабре 1991 г. подписали Беловежское соглашение, которое с точки зрения международного права не стоит даже той бумаги, на которой оно написано. Тем не менее «свободный мир» западных держав встретил это

попрание международного права «с пониманием». На этом фоне Конституция 12 декабря 1993 г. является абсолютно не легитимной.

А о всенародности голосования по Конституции можно судить хотя бы по тому, что в референдуме 12 октября 1993 г. приняло участие всего лишь 48% граждан. Только после очередного вмешательства Центризбиркома через некоторое время было объявлено об «уточнении» результатов и количестве участвующих в голосовании - 53%. Вскользь отметим, что в Центризбиркоме, как и в Конституционном суде, личный состав состоит из назначенцев режима, т.е. людей, не имеющих ни чести, ни совести и по приказу готовых на всё.

Если анализировать текст Конституции РФ, то при этом всё-таки необходимо отметить, что она буквально списана с других буржуазных Конституций и, как и они, отличается могучей социальной демагогией, которая сочетает в себе общие широковещательные декларации в духе свободы, равенства и братства с конкретными нормами, существенно ограничивающими или вообще сводящими эти декларации на нет. Например, *«Мы... утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие... стремясь обеспечить благополучие и процветание России... исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями...»*. И всё это на фоне увеличивающегося из года в год социального неравенства, видного каждому мыслящему гражданину, и обвального разрушения экономики страны, не обеспечения основного права человека - права на жизнь и, как результат, ситуация, когда не нужно будет отвечать перед будущими поколениями в связи с их отсутствием.

Демагогия переходит из преамбулы в раздел I «Основы конституционного строя». Здесь статья 2 провозглашает, что права и свободы человека являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита их являются обязанностью государства. Как это происходит на практике, мы рассмотрим чуть позже. Ниже, в статье 3-й дек-

ларируется, что народ осуществляет свою власть непосредственно (вот только не указано как же конкретно), а так же через референдум и свободные выборы. Но ведь референдум должен кто-то инициировать. А то вот недавно буржуазная Дума запретила проводить референдум в 2003-2004 гг. из-за того, что в эти годы проходятся выборы. Можно не сомневаться в том, что, памятуя о результатах референдума 17 марта 1991 г., режим под любым предлогом, а то и без оно-го, не допустит референдума, инициированного оппозицией. Результаты же выборов, начиная с 1993 г., настолько нагло фальсифицируются, что в них реально принимает участие в основном буржуазия и её прихлебатели, т.е. менее трети избирателей. Таким образом, статья 3 является также голодекларированной.

А вот статья 7, согласно которой политика РФ направлена на создание условий, обеспечивающих достойную (вот как даже - не просто жизнь, а достойную жизнь!) и свободное развитие человека. В РФ согласно этой же статье *«охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты»*.

О том, как обстоит в реальной жизни положение с оплатой труда, свидетельствуют многочисленные аварии во всех сферах хозяйства количеством на порядки превышающем такие же показатели при советском социалистическом строе. Правда, администрация находит довод: *«эта шахта частное предприятие и заботится ли собственник её об охране труда, и технике безопасности - это его дело»*. А об охране же здоровья свидетельствуют как цифры возросшей смертности людей, в основном в продуктивном возрасте, так и лавинообразный рост таких заболеваний, о которых при советской власти начали забывать - туберкулеза, венерических заболеваний и др., не говоря уже о СПИДе и наркотиках, о которых практически было ничего не известно.

Что же касается всякого рода социальных выплат, то они полностью сводятся на нет тем обстоятельством, что, в связи с контрреволюционным переворотом 1991-1993 гг. и возвращением страны в лоно капитализма и рыночной экономики, было ликвидировано основное завоева-

ние трудящихся - система государственных различных цен, которые до смерти И.В. Сталина имели только одну тенденцию - к снижению, а после начала «лечения» социализма рынком процесс замедлился, но еще в течение более 35 лет советские люди пользовались этой стабильной системой.

Или вот статья 10: *«Государственная власть в РФ осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную (выделено мной - авт.). Органы этих ветвей власти самостоятельны»*. Но каждому, а не только юристам, известно, что власть в государстве всегда одна. История, практика показали, что даже двоевластие не может быть ни прочным, ни долгим. Что же говорить о троевластии? На деле законодательная, исполнительная и судебная - это всего лишь функции единой власти. И олицетворяет это единство по Конституции 1993 г. президент. Примет законодательная власть закон, а президент его не подпишет. Для преодоления президентского вето надо 300 голосов, а где их взять? В конце концов, непослушную Думу можно и распустить или разогнать, как это сделал Ельцин Указом № 1400. Правда, согласно статье 109 п.1 президент имеет право распускать Думу при троекратном отклонении ею представленной президентом кандидатуры председателя правительства (при желании можно представить такую кандидатуру, которая и в сотый раз не пройдет), либо при повторном объявлении недоверия правительству, что при наличии желания сложности не создаст.

Об исполнительной власти и говорить нечего. Президент назначает (правда, с согласия Госдумы) председателя правительства и, кроме того, он назначает и освобождает от должности заместителя председателя правительства и федеральных министров, формирует и возглавляет Совет безопасности, высшее командование Вооруженных Сил. Он осуществляет руководство внешней политикой, вводит военное и чрезвычайное положение, издает указы и распоряжения и т.д.

Что касается власти судебной, то президент представляет Совету федерации кандидатуры для назначения на должности всех видов судей, хотя полномочия судьи не могут быть прекращены или приостановлены, кроме как в порядке и по основаниям, установленным федеральным законом. Но что это за закон и как он понимается в Конституции не указано.

Убедившись, что и статья 10 Конституции является декларативной, мы рассмотрим главу 2

«Права и свободы человека и гражданина». При этом отметим, что тезис о нарушении прав человека то в том, то в другом государстве является в наши дни организационно-идеологическим поводом для самого наглого вмешательства, вплоть до вооруженной агрессии, в дела суверенных государств, внутренняя и внешняя политика которых мешает претендентам на мировое господство в осуществлении их преступных планов.

Начинается глава целым залпом декларативных статей. Согласно им в нашей стране «...признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права... они (права и свободы) определяют смысл, содержание и применение законов деятельности... всех ветвей власти и местного самоуправления. Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина, независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств».

Это подробное изложение необходимо с учетом того, что не все читатели имеют текст Конституции и, кроме того, будет ясна истинная суть этих слов при рассмотрении их конкретно в свете реальной практики.

В статье 20 говорится: «...каждый гражданин имеет право на жизнь». Мы знаем, что в данное время исполнение приговоров к смертной казни приостановлено и жизнь убийц пока вне опасности. Их жертвам право на жизнь уже не надобно, т.к. их жизнь уже кончилась. А нет жизни - нет и проблемы. Но всем известно, что мы ежегодно теряем от 700 тыс. до 1 млн. человек населения из-за голода, инфекционных заболеваний, самоубийств по причине «хорошей» жизни, смерти от холода зимой и на операционных столах при отключении электричества, гибели на рабочих местах от преступной экономии на охране труда и технике безопасности, гибели под колесами иномарок, которые, как следствие «бедности» «новых русских», плодятся как саранча и прочая, и прочая. Вот как на практике признаются и гарантируются в РФ «права и свободы человека и гражданина».

Что касается государственных гарантий равенства прав и свобод независимо от имущественного положения, то это может вызвать только горькую усмешку.

Согласно тексту статьи 21 «никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жес-

токому или унижающему человеческое достоинство обращению», то стоит прочесть рассказ Надежды Ракс, каким издевательствам физическим и нравственным она подвергалась, находясь не один год в Лефортово, где её «прессовали» работники ФСБ перед тем, как её приговорили к длительному сроку лишения свободы.

Или ещё, согласно статье 22 п.2 заключение под стражу допускается только по судебному решению не позднее 48 часов после задержания. Представьте себе: вот состоялось судебное решение. Человек через сутки после задержания заключён под стражу. Через 5 суток появились доказательства его невиновности. Но суд уже связан по рукам и по ногам своим решением и ... Ну, вы сами понимаете.

В статье 27 говорится: «...каждый, кто законно находится на территории РФ, имеет право свободно передвигаться...». Но вот, например, житель Владивостока, оказавшись по милости Чубайса зимой в не отапливаемой квартире, хочет «свободно передвинуться» к родственникам в Краснодарский край. Он законный гражданин РФ. Но за конституционное право билет не приобретёшь, а в кассе билет из-за рыночных цен стоит намного больше его здоровья. И он, как гражданин «свободной» страны, «свободно» умирает от переохлаждения, хотя ему гарантировано не только право на передвижение, но и право на жизнь.

Согласно статье 28 Конституции каждому гарантируется свобода вероисповедания, право не исповедывать никакой религии, свободно распространять... иные убеждения и действовать соответственно с ними». Тем более, что согласно статье 14 п.2 Конституции «религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом». Это слова, а вот дела.

В строй ВМФ (государственная организация) вступает новый корабль. Командующий соединением (государственный служащий) строит личный состав, в т.ч. и атеистов, приглашает православного священника (а почему не раввина?), и тот производит обряд освящения. Что это? Как соединить с Конституцией?

Или ещё пример. В 2002 г. глава администрации города Ногинска Московской области В.Н. Лаптев (явно не частное лицо), он же руководитель «Российской православной партии», начал с использованием своего должностного положения вводить в школах города предмет «Основы православной культуры». Когда же в рамках кампании «Вон попов из школы» представители

РКСМ(б) на стене здания водочной компании «Ост» учинили надпись «Нет закону божьему в школе», Ногинский городской суд (а согласно статье 120 п.1 «судьи независимы и подчиняются только Конституции РФ и федеральному закону») на основании статьи 214 УК РФ («Вандализм»!?!) оштрафовал А. Буслаева на 1 тыс. рублей. Нужны ли ещё конкретные примеры?

Согласно статье 32 п.1 «Граждане РФ имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно (как это делается конкретно и делается ли вообще не сказано – *авт.*), так и через своих представителей» (видимо депутатов – *авт.*). Но даже после принятия Конституции прошло десять лет, прошли не одни выборы. И что же? Во время предвыборной кампании кандидаты разливаются соловьями, раздают направо и налево популистские обещания. Но стоит им получить мандат об избрании и сесть в кресло, как всё сразу забывается и они, за немногими исключениями, всеми силами проводят антинародную политику. Однако о возможности отзыва депутата в Конституции не сказано ни слова, т.е. возможность такая и не предусмотрена. Согласно статье 32 п. 3 не могут быть избраны депутатами лица, содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда. А если им, как небезызвестному Козленку, обокравшему государство на миллиарды долларов, назначили лишение свободы условно, то, пожалуйста. Чем вам не народный избранник?

Статья 29 п.5 гарантирует свободу массовой информации. Но попробуйте, товарищи коммунисты или сочувствующие, получить эфирное время даже на том телеканале, где государство имеет контрольный пакет акций. Увидите, что получится.

Конституция РФ гарантирует вправо граждан проводить шествия и пикетирование, а на практике шествия оппозиции разгоняют, а пикетирование разрешают в пустынном месте, где пикеты никто не видит.

Согласно статье 37 каждый имеет право на труд, в т.ч. и те, кто живет в местности, где пре-

обладает безработица. Вот у нас в стране и проживают более 10 млн. таких «владельцев права на труд».

Статья 31 гарантирует каждому социальное обеспечение, размеры которого в сопоставлении с ценами и тарифами не дают права на жизнь. Статья 40 даёт каждому право на жилище. Но принятый недавно жилищный кодекс превращает это право в фикцию. Статья 41 предоставляет право на медицинскую помощь. Но платная медицина и голодающие врачи в бесплатной медицине как раз и приводят на практике к массовому вымиранию населения. Общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего среднего и профессионального образования (ст.43 п.2) «гарантируется» непрерывным уменьшением бюджетных ассигнований на эти цели, развалом и закрытием школ, отсутствием необходимых учебных пособий, систематическими задержками заработной платы учителям и окладами меньше прожиточного минимума.

В Конституции 137 статей. Разбирать каждую из них нет смысла. Все они наполнены тем же декларативным и фарисейским духом.

В заключение для сопоставления вспомним Конституцию 1936 года, где каждая статья о правах человека включала в себя фразу «это право обеспечивается...» и далее назывались конкретные и правдивые сведения о соответствующих мерах. Кстати, право на труд включено в нее в первую очередь, т.к. только в 1930 году была закрыта последняя биржа труда и государство могло обеспечить каждого работой, может быть и не такой, как бы каждому хотелось, но такой, которая была делом славы и почета. И не зря народ назвал эту Конституцию «Сталинской» - именем человека, 114-летие со дня рождения которого мы, действительно, отмечаем в своих сердцах 21 декабря. Такой чести этот человек удостоен за то, что он сделал всё, что только было в его силах, для блага трудового народа и могущества государства этим народом созданного.

Ноябрь 2003 г.

ПОЛИТИКА

ПОЗИЦИЯ ИРАКСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Перевод с английского - С. Зубатов

Представления о ситуации в Ираке в среде современного российского коммунистического движения крайне противоречивы. После быстрой капитуляции саддамовской армии хвалить режим Хусейна стало уже не модно, однако почетное место «героя-антиамериканиста» в умах некоторых «оппозиционеров» не долго пустовало. Это место заняли иракские «партизаны». Многие их российские поклонники не задумываются о том, к каким последствиям может привести разрастание такого «сопротивление», какие новые жертвы это приносит иракскому народу. Просаддамовские «партизаны» ведут войну не столько с американской оккупацией, сколько с теми, кого безнаказанно расстреливали, травили и уничтожали при Хусейне – с коммунистами, с курдами. За последние месяцы было совершено более 50 нападений на представительства курдских партий, а 22 января был взорван штаб Иракской Коммунистической Партии. Несколько нападений было совершено на места, где обнищавшие иракцы могли наняться на работу...

При этом оценки политической ситуации ИКП остаются неизвестными большинству коммунистов. Не последнюю роль играет здесь умышленное замалчивание принципиальной позиции иракских коммунистов, выгодной многим любителям побороться «с американским империализмом» чужими руками (а на деле - чужими жизнями).

Письмо иракской коммунистической партии о развитии политической ситуации в Ираке

Дорогие товарищи и друзья!

В течение последних шести месяцев в Ираке имели место экстраординарные события, которые породили совершенно новую ситуацию. Она исключительно сложна и чревата огромными опасностями, но одновременно и даёт надежду на выход нашей страны из затянувшегося периода тяжких испытаний навстречу демократической альтернативе, к которой стремится наш народ.

Мы были всецело убеждены, что у нас не было иного пути покончить с всеобщим кризисом, охватившим нашу страну и народ, покончить с бедами и трагедиями, никакой другой надежды на какое-либо восстановление, кроме внутривнутриполитических изменений и избавления от диктаторского режима Саддама. Этот режим уже давно исчерпал своё пра-

во на существование, его социальная база постоянно сокращалась, он превратился в главное препятствие на пути выхода нашего народа из кризиса. Его единственной целью стало сохранение своей власти любой ценой. Мы также должны отметить исключительно репрессивную природу режима Саддама и чрезвычайное усиление созданного им тоталитарного государства, угнетающего общество и подавляющего все формы независимой и свободной организации и самовыражения. Это было продемонстрировано чудовищными нарушениями прав человека и кровавыми репрессиями против всех оппозиционных сил на протяжении трёх десятилетий, в дополнение к человеческим и материальным жертвам, понесённым в результате трёх разрушительных войн и несправедливой международной блокады, продолжавшейся более 12 лет.

Наша партия была против войны, считая её худшей альтернативой. Но при этом, участвуя в общемировом антивоенном движении под лозунгом «Нет — войне! Нет — диктатуре!», иракские коммунисты подчёркивали необходимость делать различие между народом и режимом Саддама, предостерегали против занятия односторонней позиции, упускающей из вида ответственность режима за опаснос-

и трагедии, принёвшие страдания иракскому народу. Мы подчёркивали необходимость не дать режиму возможности хоть в малейшей степени использовать широчайшее всемирное антивоенное движение в своих собственных интересах. По этой причине мы призывали к ясности позиций и лозунгов, а также к оказанию давления на диктаторский режим с целью избежания войны на пути ответственного отношения к своим международным обязательствам, прекращения антинародной политики и обеспечения демократических свобод.

Когда война приблизилась и стала наиболее вероятным исходом в результате полнейшего безразличия Саддама к судьбе народа и страны, а также решимости администрации США добиться своих целей, наша партия призвала демократические и прогрессивные силы, движение за мир поддержать альтернативу, которой мы отдавали наибольшее предпочтение. Это была национальная демократическая и патриотическая альтернатива, опирающаяся на сопротивление иракского народа и его вооружённых сил, за которым стояла бы законная международная поддержка. Такая альтернатива, поддержанная давлением на диктатора, вынудившим бы его отказаться от власти, предотвратила бы войну и её трагические последствия.

Исход войны, скорый развал военной машины Саддама и даже всего иракского государства вскрыл банкротство режима и пустопорожность его претензий. Более того, всё это показало непреодолимое желание нашего народа избавиться от этого режима. Это беспрецедентное событие, несущее огромное значение для Ирака и региона: народ решил остаться в стороне, наблюдая за схваткой иностранных сил, насчёт которых они не питали ни малейших иллюзий, и глубоко ненавидимого режима. День 9-го апреля, когда диктатура наконец-то пала, принёс осознание всех сложностей и противоречий новой ситуации. Мы добились освобождения от жестокой диктатуры, но её заменила оккупационная реальность.

Подавляющее большинство нашего народа было безмерно радо позорному падению режима. Но оно не принесло с собой желанной демократической альтернативы. В результате возник опасный внутриполитический вакуум, экономические и социальные последствия которого мы ощущаем по сей день. Покончить с такой ситуацией — главный приоритет на сегодня.

Перед страной стоит множество срочных и взаимосвязанных задач, суть которых заключается в создании условий для прекращения оккупации и направления Ирака по пути национального и демократического развития. В целях преодоления сложившейся ситуации наша партия призвала все иракские патриотические силы созвать Национальную конференцию на широкой основе, которая представляла бы весь спектр политических, социальных, нацио-

нальных и религиозных группировок иракского общества. Эта конференция могла бы сформировать временное коалиционное правительство Ирака, наделённое всей полнотой власти управления страной на переходный период, подготовить проект конституции и закон о выборах, а также начать переговоры с США об окончании оккупации.

Но эти законные требования, встретившие широкую поддержку народа, а также регионального и международного сообщества, были отвергнуты оккупационными властями. США и Британия получили дальнейшую поддержку в виде резолюции №1483, одобренной Советом безопасности ООН, фактически утверждающей международную законность их оккупации. Более того, некоторые иракские политические партии, преследуя свои узкополитические цели и демонстрируя гегемонистские тенденции, также внесли свой вклад, наряду с другими факторами, в срыв образования широкой коалиции, которая могла бы получить внутреннюю и внешнюю поддержку, могла бы оказать давление на США и добиться поддержки ООН.

Попытки США навязать Ираку «Политический совет» с исключительно консультативными функциями были решительно отвергнуты народом и политическими силами. Со временем, в середине июля 2003, в результате активного посредничества покойного специального представителя ООН г-на Сергио Виерра де Мело, был достигнут компромисс, заключающийся в создании Правящего совета, обладающего ограниченными, но важными властными полномочиями. Наша коммунистическая партия приняла участие в заключительном раунде обсуждений с американской и британской сторонами, по их приглашению. Идеологически мотивированные попытки отстранить партию и исключить её из этих дискуссий провалились. Этот результат явился отражением политической реальности и позиции нашей партии в современном балансе сил.

Исход процесса, вынудивший американские оккупационные силы в конце концов согласиться на создание иракского правительства, обладающего реальной властью, вскрыл потенциал для расширения этой власти в рамках его естественного противоборства с оккупационными властями. Наша партия, принявшая решение войти в Правящий совет вместе с большинством других политических сил, рассматривает Совет скорее как арену борьбы, чем как конечное, фиксированное, определённое правительственное образование.

Партия приняла во внимание следующие моменты, когда решила войти в Правящий совет:

- Большинство других политических партий и сил, а также национальные и религиозные группировки страны согласились войти в Совет. Если некоторые не стали его членами, то лишь потому, что их отвергли против их желания. Совет включает

ти почти все силы, с которыми наша партия может вступить в союз для реализации своей демократической и патриотической программы.

- Общее желание, которое ощущается в среде партийных организаций и сторонников, заключается в том, что ей следует действовать созидательно в текущей взрывоопасной и сложной фазе, через которую проходит наша страна, и не предоставлять никаких предлогов тем, кто хочет поймать её в ловушку, изолировать и даже снова обречь на репрессии.

Участие в Совете в его настоящей форме ни в каком смысле не означает принятие его как альтернативы временному коалиционному правительству Ирака, к которому мы стремимся. Напротив, это рассматривается как шаг в направлении создания независимого национального правительства Ирака, с патриотической демократической программой вывода страны из имеющего места кри-

Один из первых открытых коммунистических митингов в Ираке

зиса и движения в сторону построения объединённого демократического федерального Ирака.

- Совет представляет из себя один из главных элементов политического процесса, конечной целью которого является достижение независимости страны и направления её по пути демократического развития. Наша партия может добиться более влиятельной роли, действуя изнутри этого процесса, подталкивая его в нужном направлении, не прекращая при этом борьбы вне его, мобилизуя народ на обеспечение гарантий, что процесс не свернёт с намеченного пути. В этом смысле он является ареной борьбы, поскольку различные силы и стороны влияют на политический процесс как внутри, так и вне Совета.

Дорогие товарищи и друзья!

Наш народ, несмотря на радость по поводу падения режима Саддама, не приветствует приход иностранных войск и не встречает их цветами. Он надеется на скорейшее окончание оккупации и восстановление полного суверенитета и независимо-

сти страны.

Спротивление оккупации — это право, освящённое хартией ООН. Народ Ирака, таким образом, имеет законное право обращаться к различным формам борьбы чтобы положить конец оккупации и восстановить национальный суверенитет. Но сопротивление оккупации не ограничивается применением лишь насильственных мер борьбы, но напротив — включает в себя различные формы мирной политической борьбы. Уроки истории учат нас, что народы обращаются к вооружённой борьбе лишь когда они оказываются вынуждены к этому после исчерпания всех мирных способов.

Сегодня наш народ обладает различными возможностями и вариантами для политической борьбы. Появились десятки политических партий и организаций, профсоюзов, профессиональных и демократических организаций, ассоциаций и т.п. В текущих обстоятельствах, в царящей атмосфере свободы политические силы Ирака, включая нашу партию, практи-

чески единогласно заявляют, что насильственные меры не являются наиболее подходящими и эффективными пока не исчерпаны мирные меры. Фактически, в той ситуации, что сложилась сейчас в нашей стране, вооружённые операции наносят лишь вред делу достижения цели: избавлению от оккупации в кратчайшие сроки. Подобные операции на самом деле дают повод оккупационным силам продлить время своего присутствия, а также поддерживают состояние напряжённости, тревоги и страха среди населения. Акты саботажа основных служб, электрических сетей, подачи газа и нефтяных трубопроводов лишь усугубляют страдания народа. Подобные вооружённые операции, включая преступные акты убийств, используются недобитками свергнутого режима, которые тешат себя надеждами на возврат к власти.

Нарушения прав и акты насилия оккупационных сил против народа также привели к ответному насилию, к проявлению стихийного вооружённого противостояния. Поэтому важно делать различие между группами и силами, проводящими подобные акции. Обеспечение безопасного существования, однако, требует срочных политических, экономичес-

ких и социальных мер. Прежде и важнее всего, должны быть созданы предварительные условия для скорейшей передачи власти иракскому народу и построения демократического режима в Ираке.

Развитие событий в нашей стране после коллапса диктаторского режима высветило также важность повышения значения роли ООН и расширения её прямого участия в поддержке и направлении проходящего в Ираке политического процесса, а равно и её роли в гуманитарных операциях и восстановлении. Это — всё более срочная тема. ООН обладает совокупным опытом, позволяющим ей играть активную конструктивную роль в обеспечении в короткие сроки предварительных условий, необходимых для создания независимого национального правительства и окончания оккупации нашей страны. Более того, усиление роли ООН обеспечит международную законность, недостаточный уровень которой сегодня препятствует участию многих мировых сил в процессе восстановления, а также стоит на пути нормализации обстановки.

Дорогие товарищи и друзья!

Ирак переживает сегодня исключительно сложный политический процесс. Он превратился в грозящее взрывом поле битвы, где региональные и международные интересы и планы, реагируя с внутренней ситуацией, толкают его в направлениях, противоречащих интересам народа и их стремлению к вос-

становлению безопасности и стабильности, возвращению национального суверенитета, достижения демократической альтернативы и ускорения всеобъемлющего восстановления. В течение этого переходного периода, когда противоречия и борьба за будущее направление развития усиливаются, крайне важно, больше, чем когда-либо раньше, иметь возможность рассчитывать на всевозможную международную солидарность со стороны сил мира, прогрессивных и демократических движений для поддержки и консолидации иракских патриотических и демократических сил в их борьбе за предотвращение попыток саботажа политического процесса и обрушивания страны в хаос внутренних беспорядков. Эта солидарность также окажет большую помощь иракскому народу в деле скорейшего прекращения оккупации и открытия перспектив демократического развития Ирака, даст ему силы самому определить своё политическое будущее и социальную систему в соответствии со своей собственной свободной волей. От исхода проходящего в нашей стране политического процесса зависит в значительной степени будущее Ирака и всего региона.

*С братским приветом,
Международный отдел
центрального комитета
иракской коммунистической партии
18 октября 2003*

Трусливое нападение на штаб-квартиру коммунистической партии в одном из районов Багдада

Вчера вечером, в четверг 22.01.2004, штаб-квартира Иракской коммунистической партии, расположенная в районе Аль-Джадида/Маштал столицы страны Багдада, подверглась трусливому бандитскому террористическому нападению. Погибли два наших товарища, Яссер Абоуд (Абу Джамаль) и Шакер Джасем Аджил (Абу Фурат). Взрыв, произведённый убийцами, практически полностью уничтожил здание.

В стихийном порыве, вызванном этим зверским преступлением, члены партии и её сторонники собрались на месте взрыва, чтобы подтвердить свою решимость бросить вызов терроризму и силам реакции, продолжить свою борьбу плечом к плечу с нашим на-

родом и всеми силами доброй воли за построение безопасного и стабильного Ирака, в котором нет места для убийц, проливающих кровь невинных.

Осуждая это предательское нападение и чудовищное преступление, наша коммунистическая партия ещё раз говорит народу Ирака, его патриотическим силам и партиям о решимости её членов и организаций, расположенных по всему Ираку, наступать дальше, добиваться свободы и процветания Ирака, лучшей жизни, мира, демократии и полного национального суверенитета.

Мы призываем все соответствующие органы предпринять срочные действия по обнаружению убийц и передаче их в руки правосудия, чтобы они понесли заслуженное наказание за своё предательство и преступление.

Мы выражаем искреннее соболезнование семьям погибших, их товарищам и друзьям.

Политбюро центрального комитета
иракской коммунистической партии

23 января 2004

ИСТОРИЯ

К ВОПРОСУ О
«ПРЕВЕНТИВНОЙ ВОЙНЕ»*М. Баранов, В. Журавель*

С 1986 года в Германии, перекинувшись затем и в другие страны, обострился научный спор по двум существенным вопросам истории XX века. Первым из них было отношение к преступлениям германского фашизма. Основываясь на известной теории тоталитаризма, консервативные историки утверждали тезис о вторичности нацистских преступлений. По их мнению, фашизм был только ответом на экспансию большевизма. Вторым вопросом были причины Второй мировой войны и виновники ее возникновения. В адрес руководителей, стоявших во главе Советского Союза в предвоенный период, зарубежными и отечественными историками высказан ряд серьезных обвинений в развязывании войны с Германией и Второй мировой войны. Оба эти тезиса объединились в мифе о «превентивной войне», в котором утверждается, что СССР весной 1941 года готовился напасть на сосредоточенную, но еще не развернутую армию «третьего рейха».

Материалы, свидетельствующие о проводившихся военных приготовлениях наступательного характера в СССР, в том числе о масштабах пропагандистского обеспечения «в интересах подготовки нападения на Германию», достаточно широко известны. Это, в частности, недавно рассекреченный документ Генерального штаба Красной Армии «Соображения по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками». Этот документ представляет собой стратегический план, разработанный в Генеральном штабе Красной Армии. Он неоднократно публиковался и обсуждался в ходе крупных научных мероприятий, в том числе на международных конференциях. Помимо него в научный оборот уже введен ряд других документов и материалов.

В качестве одного из главных свидетельств в пользу подготовки Сталиным превентивной войны против Германии ссылаются на его речь 5 мая 1941 года на приеме в честь выпускников военных академий РККА. В этой речи Сталин

конкретно указал на Германию, как страну, развязавшую новую большую войну, привел ряд прогнозов дальнейшего развития событий.

В данной связи представляются абсолютно обоснованными намерения руководителей Генерального штаба Красной Армии (А. М. Василевского и Н. Ф. Ватутина) оперативно отреагировать на указание Сталина о переходе к «военной политике наступательных действий». В «Соображениях по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками» (проект документа подготовлен между 6 и 15 мая 1941 года) намечалось наступление Красной Армии силами 152 дивизий против 100 германских. Здесь шла речь о возможности наступления на германские войска силами примерно половины всех имевшихся в Красной Армии дивизий сухопутных войск. При этом одной из главных задач Красной Армии был разгром германских соединений восточнее Вислы, а затем - выход на реки Вислу и Нарев для овладения районом Катовице. Согласно «Соображениям...», Красная Армия в ходе наступления должна была преодолеть эти водные преграды, но не углубляться на вражескую территорию, что очень существенно. В проектах пропагандистских директив мая - июня 1941 года, составленных ЦК ВКП(б) и Главным управлением политической пропаганды Красной Армии, было сформулировано идеологическое обоснование справедливого характера нанесения первого удара по фашистской Германии и ведения наступательной войны против нее.

«Соображения...» Генерального штаба в совокупности с майской речью Сталина, майско-июньскими 1941 года проектами пропагандистских директив и воспоминаниями многих участников тех событий дают представление об общих тенденциях подготовки Сталина к войне против Германии. На основании этих материалов ряд исследователей делают вывод, что Сталин «готовился к прыжку» на Гитлера и последнему ничего не оставалось делать, кроме как ударить первым. Однако такой вывод мог бы счи-

таться правомерным лишь в том случае, если бы не существовало фактов обратного порядка. Рассмотрим здесь некоторые, наиболее убедительные контраргументы, развенчивающие мифы о «превентивной войне».

В первую очередь необходимо отметить, что лозунг о переходе к «военной политике наступательных действий» впервые прозвучал не накануне войны, а гораздо раньше - в 1940 году. На расширенном совещании Главного военного совета 14-17 апреля 1940 года Сталин призвал воспитывать у командного состава Красной Армии понимание необходимости активной обороны, «включающей в себя и наступление». 13 января, а затем 8 февраля 1941 года он говорил о «наступательных операциях», которые можно начать при достижении двойного превосходства в силах над противником.

Действительно, в проектах директивных материалов, составленных в духе сталинского указания о переходе к «военной политике наступательных действий», сформулирована идея возможности и необходимости нанесения Красной Армией упреждающего удара. Однако эти документы так и остались проектами, они не были одобрены и подписаны высшим руководством, то есть не получили абсолютно никакой юридической силы. Поэтому ссылаться на них как на доказательство готовившейся советской агрессии, по меньшей мере, некорректно.

Идея упреждающего удара, высказанная в «Соображениях...», отличается непоследовательностью, нерешительностью: согласно предложениям А. М. Василевского и Н. Ф. Ватутина половина имеющихся в советских сухопутных войсках дивизий наступает, остальные - в обороне. Для сравнения: по плану «Барбаросса» для нападения на Советский Союз выделялись почти все вооруженные силы Германии и ее союзников. Три главные ударные группировки включали 70 процентов всех дивизий, 75 процентов орудий и минометов, 90 процентов танков и боевых самолетов.

Советское военное руководство в мае 1941-го, исходя из анализа опыта военных действий в Европе, сделало вывод, что, раз оборонительная стратегия успеха не дает и заканчивается поражением, надо применить против Германии наступательную стратегию, подкрепленную мощной техникой. Однако Сталин знал о недостаточной готовности страны и армии к войне. Не был он уверен и в безоговорочной поддержке со стороны Великобритании и США. Поэтому-то

инициатива, исходившая от руководителей Генерального штаба в мае 1941-го, и встретила с его стороны решительный отпор. «Соображения...», представленные ему на утверждение, вызвали у Сталина только раздражение и гнев. В сущности, его реакция на проект этого документа, о которой пишут многие авторы, есть один из главных аргументов в пользу того, что ни о каком нападении Советского Союза на Германию в 1941 году не могло быть и речи.

Провоцировал ли Сталин фашистское нападение? Дневники начальника генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковника Ф. Гальдера однозначно опровергают все доказательства о том, что якобы нападение Гитлера было спровоцировано Сталиным. 3 июля 1940 года Ф. Гальдер пишет о сроках начала разработки плана «Барбаросса»: *«В настоящее время на первом плане стоят английская проблема... и восточная проблема. Основное содержание последней: способ нанесения решительного удара России, чтобы принудить ее признать господствующую роль Германии в Европе»*. Чтобы понять вопросы планирования войны против СССР, смысл важнейших стратегических решений руководства вермахта в этот период, необходимо рассматривать их в тесной связи, во-первых, с общей стратегической концепцией германского милитаризма и, во-вторых, с конкретной политической и стратегической обстановкой, сложившейся после агрессии фашистской Германии против Франции и других стран Западной Европы.

К середине 1941 года 11 государств Европы были лишены независимости. Но Вторая мировая война охватила не только Западную и Юго-Восточную Европу, а распространилась и на африканский континент и продолжала разрастаться в Азии. Вермахт провел ряд быстротечных войн и отдельных операций против различных стран, продемонстрировав большую ударную силу, маневренность и мобильность. Каждая кампания в Европе продолжалась не более двух месяцев, а все кампании вместе (с учетом одновременности норвежской и западноевропейской) - не более четырех месяцев. Остальное время занимали стратегические паузы.

В целом нацистское руководство оценивало глобальную и европейскую политическую ситуацию как исключительно выгодную для войны против СССР. *«Ныне, - говорил Гитлер на совещании генералитета 30 марта 1941 года, - существует возможность разбить Россию, имея сво-*

бодный тыл. Эта возможность так скоро не появится вновь. Я был бы преступником перед немецким народом, если бы не воспользовался этим».

Рост масштабности и интенсивности военно-политических событий свидетельствовал о неизбежности столкновения СССР с Германией. О том же докладывала и разведка. Еще в конце 1940 года Сталин знал о решении Гитлера развернуть планомерную подготовку к предстоящему вторжению германских войск в пределы Советского Союза. Руководство страны видело опасность создавшегося положения и понимало, что необходимо как можно скорее увеличить темпы подготовки к отражению возможной агрессии как вооруженных сил, так и всего народа.

Стремление нацистов поскорее покончить с СССР

Адольф Гитлер: «Ныне существует возможность разбить Россию...»

Он не знал, что эта затея кончится позорным сжиганием трупа фюрера, завернутого в ковер.

было вызвано также стремительным развитием советской экономики и обороноспособности. С точки зрения изучения достижений авиационной промышленности СССР в 1939—1941 годах, интересен отчет о посещении заводов НКАП германской комиссией за время с 29 марта по 16 апреля 1941 года. Немецким специалистам в области самолетостроения, моторостроения, вооружения самолетов, приборостроения и летного дела были показаны ЦАГИ и заводы, производящие истребители «МиГ», пикирующие бомбардировщики «Пе-2», авиамоторы «АМ35», «М25», «М105», подшипники, алюминиевые листы. По признанию членов комиссии, они «не ожидали того, что увидели. По имевшимся в Германии сведениям, ожидали увидеть значительно худшее, против того, что увидели... технологический процесс налажен хорошо». Большое впечатление на немцев, в частности, произвели самолеты «МиГ» и «Пе-2», организация

производства, качество литья, большая аэродинамическая труба ЦАГИ, размеры подшипникового завода и пр. По высказыванию члена комиссии инженера-полковника Швенке, «СССР технически прогрессирует и имеет сырье».

Военная кампания на Западе в мае - июне 1940-го стала первой серьезной неудачей вермахта, имевшей далеко идущие политические и стратегические последствия. Гитлеровские стратеги оказались не в состоянии вывести Англию из войны и добиться всех предпосылок для решения центральной проблемы «третьего рейха» -

устранения опасности ведения войны на два фронта, которая десятилетиями, как кошмар, преследовала германских милитаристов.

Поэтому после разгрома Франции руководство вермахта стало серьезно готовиться к десанту против Англии. Но с самого начала эта операция внушала гитлеровскому гене-

ралитету большие сомнения. Германия не имела столь мощных военно-морских сил, чтобы гарантировать успех высадки своих войск в Великобритании. Возможная крупная потеря материальных и людских ресурсов в случае неудачи могла не только отодвинуть столь долго вынашиваемые планы «дранг нах Остен», но и привести к утрате стратегической инициативы.

Окончательное решение о нападении на СССР, как известно, было принято в конце июля 1940-го на совещании в ставке Гитлера. Его лейтмотивом, как это излагает Ф. Гальдер, явилась следующая идея: «Если Россия будет разгромлена, Англия потеряет последнюю надежду. Тогда господствовать в Европе и на Балканах будет Германия. Вывод: в соответствии с этим рассуждением Россия должна быть ликвидирована. Срок - весна 1941 года».

Уже 22 июля 1940 года главнокомандующий сухопутными силами Германии В. Браухич, после совещания у Гитлера, дал указание своему генеральному штабу начать разработку плана нападения на Советский Союз.

1 августа начальник штаба 18-й армии гене-

рал-майор Маркс сделал первый доклад генералу Гальдеру с изложением своих идей по оперативно-стратегическому плану военной кампании против СССР. Они предусматривали развертывание боевых действий двумя крупными группировками войск на московском и киевском стратегических направлениях.

5 августа верховное главнокомандование отдало директиву «Ауфбау Ост», положившую начало широким мероприятиям по оборудованию театра военных действий для нападения на СССР. Предусматривалось строительство сети коммуникаций, аэродромов, складов, казарм и прочих военных объектов на территории Польши и Восточной Германии.

29 октября 1940 года первый оберквартирмейстер и постоянный заместитель начальника генерального штаба генерал-майор Паулюс подготовил докладную записку относительно группировки войск для войны против Советского Союза и порядка их стратегического сосредоточения и развертывания. На ее основе оперативный отдел генерального штаба составил проект директивы по стратегическому сосредоточению и развертыванию - «Ост».

Подобная работа велась и в штабе оперативного руководства вооруженных сил. 19 сентября 1940 года Варлимонт представил план войны против СССР Йодлю. Он предусматривал использование трех групп армий - «Север», «Центр» и «Юг» - соответственно на ленинградском, московском и киевском направлениях. Главный удар наносился на Москву по кратчайшему пути через Минск и Смоленск. После захвата последнего продолжение наступления на центральном направлении планировалось в зависимости от развития обстановки в полосе группы армий «Север». В случае ее неспособности решить поставленные задачи предполагалось приостановить наступление группы армий «Центр» и часть ее сил направить на помощь северному соседу. Эти идеи существенно отличались от планов генерального штаба сухопутных войск.

5 декабря 1940 года генерал Гальдер изложил перед Гитлером основы планируемой военной кампании. Теперь уже окончательно вырисовывались три стратегических направления - ленинградское, московское и киевское. Главный удар Гальдер предлагал нанести севернее Припятской области из района Варшавы на Москву. Проведение операций намечалось силами 105 пехотных, 32 танковых и моторизованных дивизий. Кроме того, предусматривалось использование вооруженных сил Румынии и Финляндии. Для сосредоточения и развертывания этих сил Гальдер считал необходимыми восемь недель. Он указал, что с первых чисел ап-

реля или, самое позднее, с середины этого месяца скрыть от Советского Союза подготовку Германии к войне станет уже невозможно.

Гитлер, одоблив в принципе этот план, заметил, что последующая задача состоит в том, чтобы после раскола советского фронта в центре и выхода к Днепру на московском направлении осуществить поворот части сил главной центральной группировки на север и разгромить во взаимодействии с северной группировкой советские войска в Прибалтике. Наряду с этим он предлагал в качестве первостепенной задачи разгром всей южной группировки советских войск на Украине. Только после выполнения этих стратегических задач на флангах фронта Гитлер считал возможным приступить к взятию Москвы. По его мнению, для разгрома Советского Союза, требовалось 130-140 дивизий.

К концу 1940 года план нападения был подготовлен. 18 декабря Гитлер подписал директиву № 21, получившую название Особая папка «Барбаросса». Своей основной целью она ставила разгром советских вооруженных сил в одной скоротечной кампании. Подготовка к нападению на Советский Союз должна была быть завершена к 15 мая 1941 года.

С германскими наступательными планами резко контрастируют оперативные планы западных приграничных военных округов. Значение этих документов важно, так как они не только опровергают вымысел об агрессии СССР, но и позволяют определить, как реализовался стратегический замысел войны, выяснить ее характер на начальном этапе. Оперативные планы западных приграничных военных округов, разработанные только в мае - июне 1941 года являются логическим продолжением «Соображений по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками» - стратегического плана войны, разработанного в Генеральном штабе Красной Армии. Они наглядно, до деталей, раскрывают суть и содержание политики руководства нашей страны того периода. Основой для разработки планов обороны государственной границы на период мобилизации, сосредоточения и развертывания войск являлись специальные директивы наркома обороны СССР для каждого округа. Первые экземпляры этих директив были подписаны наркомом обороны Маршалом Советского Союза С. К. Тимошенко и начальником Генерального штаба генералом армии Г. К. Жуковым. Анализ директив Генерального штаба, датированных маем 1941-го, в целом показывает, что никаких задач наступательного порядка войскам Западных приграничных военных округов

гов не ставилось. Вместо них предусматривалась оборона на всю оперативную глубину округов, а в стратегическом масштабе - вплоть до дальнейших подступов к Москве. Вначале предполагался разгром вторгшегося противника, и только потом боевые действия планировалось перенести на его территорию. Такая последовательность возможна, если противник нападает, а наши войска обороняются и при благоприятной обстановке переносят боевые действия на территорию врага.

В общих указаниях директив ставились задачи, прежде всего, по организации обороны государственной границы. В основу обороны легла создававшаяся система укрепленных районов и полевых укреплений вдоль границы. Предписывалось уделить особое внимание противотанковой обороне и порядку использования противотанковых артиллерийских бригад, мехкорпусов и авиации. Специально должны были быть разработаны планы эвакуации государственных и военных предприятий. В целом, определялись районы обороны, ответственные направления и задачи обороняющихся в них войск.

Оперативными планами обуславливались задачи по рекогносцировке и оборудованию тыловых фронтовых рубежей обороны. Для Прибалтийского особого военного округа (ПриБОВО) - по старой государственной границе с Эстонией, Латвией и Литвой; Западного особого военного округа (ЗапОВО) - по рубежу реки Березина; Киевского особого военного округа (КОВО) - до рубежа реки Днепр; Одесского военного округа (ОдВО) - до рубежа реки Днестр. Стратегическим планом войны предполагалось инженерное оборудование и строительство второго и третьего государственных рубежей обороны по линиям: 1) Нарва, Сольцы, Порхов, Великие Луки, Витебск, Валдай, Гомель, Конотоп; 2) Осташков, Сычевка, Ельня, Почеп, Рославль, Трубчевск.

Особое значение имеют указанные в директивах вопросы, связанные с эвакуацией, минированием и подрывом некоторых важных объектов, которые подтверждают мнение военно-политического руководства СССР о возможности отступления войск вглубь страны.

В оперативных планах в части инженерного

обеспечения глубоко открывались вопросы оборудования фронтовых рубежей обороны с детальным расчетом сил и средств. Например, в ПриБОВО планировалось оборудовать три рубежа, в ЗапОВО - четыре, в ОдВО - три и в КОВО - пять рубежей. Планом КОВО предусмотрено строительство и оборудование следующих рубежей: 1-й - Мельцы, Хнувна, Рожище, Луцк, Броды, Топорув, Яворов, Выжница, Каменец-Подольск, Могилев; 2-й - Бродница, Ровно, Кременец, Черница, Ходоров; 3-й - Вежица, Славута, Волочиск, Каменец-Подольск; 4-й - Вереск, Новоград-Волынский, Острополь, Летичев; 5-й - Юрьевича, Радомышль, Черкассы. В Ленинградском, Прибалтийском и Одесском военных округах предусматривалось решение задач противодесантной обороны побережья Баренцева, Балтийского и Черного морей с привлечением сил Северного, Балтийского и Черноморского флотов, а также Дунайской флотилии.

Исходя из планов прикрытия западных приграничных округов, можно сделать вывод, что главной целью военно-политического руководства страны была устойчивая оборона на нашей государственной границе. Задачей армий прикрытия было: как можно прочнее удерживать занимаемые рубежи и тем самым дать возможность провести мобилизацию, сосредоточение и развертывание основных войск. На этот период им и выделялся ресурс авиации, расход боеприпасов и других материально-технических средств. Войскам были поставлены задачи оборонительного порядка на всем фронте как в стратегическом, так и оперативном звеньях. Считался возможным отход наших войск в глубину страны с эвакуацией гражданского населения, заводов и фабрик, а также ликвидацией тех объектов, которые нельзя было вывезти на Восток. Категорически запрещался не только упреждающий удар (нападение), но даже переход и перелет государственной границы без разрешения Главного командования.

Таким образом, сравнительный анализ развития стратегических и оперативных планов вооруженных сил СССР и Германии предвоенного периода можно считать одним из свидетельств ошибочности теории «превентивной войны».

Ноябрь - декабрь 2003

МИФ О СТАБИЛИЗАЦИИ

А. Каллистов

В последнее время, особенно с момента начала выборных кампаний, режимом через все продажные СМИ усиленно внедряется в общественное сознание миф о том, что, якобы, «**Современное российское общество после краткого периода нестабильности усиленно движется к социально-политическому единству**».

Антинародный режим завис. Буквально с каждым месяцем ширится пропасть между пенсионерами, получающим, да и то кое-где с многомесячными задержками пенсии в сумме 1,5 – 2 тысячи рублей, что меньше расходов на потребительскую корзину, не считая оплаты за жильё и коммунальные услуги, и Чубайсом, получающим зарплату около полумиллиона рублей в месяц. Бравурные мелодии о грядущих повышениях пенсий и зарплат бюджетникам на 15-30%, сопоставляющиеся в мозгах «облагодетельствуемых» со стремительным ростом цен, в 2-5 раз превышающим грядущие прибавки. Ссылки правительства на небольшой «в пределах плана» уровень инфляции вызывают горький смех и презрение трудящихся. Даже самые упёртые уже поняли, что только при социализме существовало понятие «государственные розничные цены». Сейчас этого нет, и при этом строе не будет. Собственник торговых объектов имеет ничем не ограниченное право устанавливать любую цену на реализуемую продукцию.

И все-таки в СМИ непрерывно демонстрируются сюжеты о создании мощной партии «Единая Россия», о приеме в неё видных деятелей культуры и молодых отпрысков олигархов и около них находящихся, о подъеме патриотических и центристских настроений в обществе и др., и пр., и т.п., и т.д. Об отсутствии, какого бы то ни было социально-политического единства между обобранными трудящимися и олигархами писать просто незачем, - всё ясно и так. Даже СМИ вынуждены иногда сообщать о массовых митингах и забастовках и о том, что уже есть факты забастовок солидарности (учителя, авиадиспетчеры), что свидетельствует о начале пробуждения уже классового сознания.

Но всё-таки режим же кто-то поддерживает?

Так что же это за люди? Вот в этом, наверное, и стоит обстоятельно разобраться.

В поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» есть такие мудрые строки:

*«Люди холопского звания –
Сущие псы иногда:
Чем тяжелей наказание,
Тем им милей господа».*

История этого парадокса восходит к невысказанно далекому веку, когда первобытный человек еще только начинал заниматься земледелием и скотоводством. В это время люди обратили внимание, что около жилища человека стали появляться небольшие хищники, которые питались не как гиены, мертвечиной, да еще полусгнившей, а костями, объедками пищи человека.

Смышленные люди поняли, что с этими зверями можно установить дружественные отношения, приручить и, затем, использовать как охранников стада, жилища, помощников на охоте. Это человеку удалось. Шли века, в мире появились сотни пород собак. Они были разного внешнего вида, характера, расширилась многократно сфера их функционального использования. Но общим у этих псов неизменно было только одно - беззаветная, на уровне веками сложившегося инстинкта, как говорят, собачья, преданность своему хозяину. Сейчас по телевизору систематически передается представление по американскому эталону «Дог-шоу» с собаками, и в конце её звучит песня, основным содержанием которой является мысль о том, что для пса невиданная удача и веселье, если есть хозяин и ужасное состояние, если хозяина нет... Хозяин мог кричать, бить, даже не кормить, но всё-таки отсутствие его общества воспринималось псами как катастрофа.

Но в те же далекие века, когда появились излишки продуктов в человеческом обществе, когда эти излишки присваивались самыми сильными, наглыми, бессовестными членами общества, появилась потребность уже не в четвероногих, а в двуногих псах - людях, в которых была бы на уровне подсознания заложена такая же безоглядная,

собачья преданность своим хозяевам. И эту потребность удалось удовлетворить, категория таких существ появилась. Они были мужчинами и женщинами, брюнетами и блондинами, сильными физически и слабыми, сангвиниками или холериками, пожилыми, стариками и молодыми, оптимистами и пессимистами. Этим разным организациям объединяло, как было сказано чуть ранее, чувство глубочайшей преданности своему хозяину. Ради этой преданности они были способны на всё. Моргни хозяин, и они будут красть, убивать, лгать, подличать, даже умирать.

Им даже можно было предоставить свободу - они от неё откажутся. Без хозяина двуногие псы существовать не могут. Некоторые из них втайне мечтают выйти из псовского состояния и при удобном случае самим стать хозяевами, некоторые стыдятся своего падения и изо всех сил делают вид, что они независимы, свободны, но в принципе своим таким состоянием они довольны.

Историческая и художественная литература полна подобного рода примеров. Вот рабыня Евника из романа польского писателя Генрика Сенкевича «Камо грядеши», когда её господин сенатор Петроний, написав императору Нерону резкое обличительное письмо, решил уйти из жизни и на прощальном пиру вскрыл себе вены, она добровольно последовала за ним. Вот серия преданных слуг, практически не получавших вознаграждения – Гримо, Планше, Мушкетон и Базен, слуги знаменитых четырех мушкетёров, верный Санчо Панса при Дон Кихоте Ламанчском, вот старик слуга из романа «Петербургские трущобы», Фирс из «Вишневого сада» и прочая, и прочая.

Шли века. Но вот грянула Великая Октябрьская социалистическая революция. Хозяев (не сразу, конечно) не стало. Советская власть (опять таки, не сразу) сформировала один из постулатов Морального кодекса строителя коммунизма – «Человек человеку – друг, товарищ и брат». И что вы думаете, племя двуногих псов так и исчезло, как писал поэт, «как сон, как утренний туман»? Как бы не так! В годы коллективизации проявилось «во всей красе» такое явление, как подкулачник. Это, как правило, бывший батрак, оставшийся без хозяина и озверевший как бездомный пес. Именно руками подкулачников творили кулаки значительную часть своих преступлений - диверсии, саботажи, убийства сельских активистов и пр. Подавляющее большинство интеллигенции, мелкого чиновничества, других отрядов двуногих псов эмигрировали на Запад следом за своими хозяевами, не в силах вынести равенства с «хамками».

Но многие остались для осуществления тай-

ной борьбы за свое место в будущей хозяйской конуре. Первая радостная пора для них наступила в 1941 году, когда в нашу страну вторглась орда кандидатов в новые хозяева - германских фашистов. Вот тогда и вылезли из своих нор двуногие псы. Фашисты с удовольствием передали им большинство своих карательных функций на временно оккупированной территории. Но, увы! Их надеждам не суждено тогда было сбыться. Поднялся трудовой народ и, под руководством ленинской партии, разгромил и уничтожил кандидатов в новые хозяева.

Бежавшие с оккупантами их пособники были после Великой Отечественной войны возвращены и основательно наказаны, часть из них была приговорена к высшей мере социальной защиты. Но сколько же их еще осталось на неоккупированной территории! Да и отбывшие наказание остались делать свое черное дело и воспитывать в духе ненависти к Советской власти своих потомков. А яблочко, как известно, от яблоньки далеко не падает.

Более того, на волне хрущевского волонтеристского антисталинизма, вокруг этих недобитых псов стала создаваться обстановка этакой жалостливости, как к жертвам пресловутого «тоталитаризма». Иначе откуда же появились со своими писаниями Солженицын, Бакланов, Белов, Астафьев и другие? За 30 лет «холодной войны» псиная стая матерела, пополнялась молодыми политическими волками, устанавливала связи с новыми хозяевами - претендентами на мировое господство. И всё в этот период сопровождалось пропагандистским грохотом о превращении государства диктатуры рабочего класса в социалистическое **общенародное** государство (которое не могло быть таковым по определению!), о **созревшем** социализме (при несозревшем коммунизме, который именно и был общественно-экономической формацией) и необходимости **ускорения построения коммунистического общества** (не позднее, чем через 20 лет!). Сопоставление этих лозунгов с фактами дискредитировало КПСС в глазах трудящихся.

И вот пришло время «Х». Верхушка правящей партии оказалась в руках отъявленных антикоммунистов. ЦК КПСС возглавил внук кулака ловкий приспособленец и демагог Горбачев, главным идеологом стал прошедший заокеанские университеты и завербованный в качестве «агента влияния» Яковлев, отец которого в своё время с проклятиями топтал портрет Сталина, а также и другие изменники Родины рангом поменьше, а трудовой народ уже стал равнодушен к длившейся

уже в течение 30 лет карикатуре на социализм. Империалистическая контрреволюция свершилась псами и их хозяевами. И первое, что было сделано - это напрочь ликвидировано социальное равенство. Новые «руссиянские» хозяева стали одновременно американскими псами. Псы местные разделились на две категории. Одни псы радостным лаем и повизгиванием воспевали своих новых хозяев, а другие, в униформе и бронжилетах с «демократизаторами» и автоматами, го-

вопрос: если эта народная власть – власть Советов - так всех обижала, то зачем же за эту власть гибли, совершая подвиги миллионы людей? Зачем они с таким энтузиазмом и таким упорством и такими темпами строили и создавали материальные и духовные ценности? Зачем так стойко отстаивали в боях всё созданное, если всё это было «ничё»? Почему они так берегли эти плоды своего труда, а сейчас «при хозяевах» всё рушится и валится? И всё больше и больше молоде-

Редакция журнала «Прорыв» выпустила книгу «ПОЛИТИЧЕСКИЕ МИФЫ И ОБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ», в которой собраны статьи товарища Каллистова с 1997 года по сегодняшний день. В книгу вошли 31 статья из цикла «XX век. Мифы и реальность» и отдельные статьи, письма и ответы оппонентам. Во вступительной статье Александр Борисович написал: **«Эти материалы еще долго будут в строю, не покроются плесенью и пылью. Ведь идеологическая война продолжается, и будет длиться до тех пор, пока наши разобравшиеся во всех тонкостях обмана и активизировавшиеся потомки не установят на всей Земле систему добра, мира и социальной справедливости, имя которой - КОММУНИЗМ.»**

Книгу можно приобрести, связавшись с редакцией журнала «Прорыв».

Редакция.

товы уничтожить каждого, кто осмелится обеспокоить хозяев просьбами о помощи и напоминаниями о «правах человека».

Вы, уважаемые читатели, конечно, смотрите телевизор и слушаете «Радио России». Туда часто приглашают некоторых нужных для пропагандистских фокусов граждан, или берут у них интервью. Обратите внимание, что бы там ни говорили, и о чём бы ни шла речь, обязательно или журналист, или его собеседник хоть фразочку, но вернут о том, как их или их родственников ни за что, ни про что обидела Советская власть. Они, конечно, не скажут ни слова о том, кто же затапливал шахты, травил скот на селе, сыпал песок в подшипники электростанций, клеветал на честных советских людей. Но те из сегодняшней молодежи в возрасте до 30 лет, кто не потерял возможности подвергать анализу исторические события, невольно задает сам себе закономерный

вопрос: если эта народная власть – власть Советов - так всех обижала, то зачем же за эту власть гибли, совершая подвиги миллионы людей? Зачем они с таким энтузиазмом и таким упорством и такими темпами строили и создавали материальные и духовные ценности? Зачем так стойко отстаивали в боях всё созданное, если всё это было «ничё»? Почему они так берегли эти плоды своего труда, а сейчас «при хозяевах» всё рушится и валится? И всё больше и больше молоде-

жи начинают понимать, что всё, что ныне «демократы» говорят о советском периоде - это ложь и фарисейство, что отдельные ошибки не характеризовали в негативном смысле народный строй, как и сейчас благостные картинки по ТВ и радио не заслонят картины все набирающей силу все-народной беды.

Молодежь начинает понимать, что не будет социально-политического единства между Чубайсами, Абрамовичами, Потаниными и их Митковыми, Хакамадами, Новодворскими и теми труженниками, что сегодня пока еще в одиночку, разрозненно, пытаются выжить, вместо того чтобы организовать и бороться за жизнь и будущее своих детей.

Верно в народе говорят, что у лжи короткие ноги. Кривде правду не одолеть!

Декабрь 2003 г.

Редакция журнала «Прорыв»

**Мартынов Ю. М.(гл.ред.), Подгузов В. А.(зам.гл.ред.),
Петрова О. Б.(тех.ред.), А.Лбов, В.Шпаков.**

Наши контакты:

Почтовый адрес : **109378 г. Москва, улица Федора Полетаева,
дом 15, корпус 1, квартира 79,
Петровой О.Б.**

Электронный адрес: **kohet@mail.ru**

Телефоны: **378-37-59 Петрова О. Б.
387-16-00 Мартынов Ю. М.**

Посетите наш сайт в Интернете **www.proriv.ru**.

Там вы найдете статьи наших авторов в рубриках: экономика, политика, философия, этика, история, военные вопросы, рецензии и критика, политическая публицистика, юмор, большую подборку коммунистической музыки.

На наш журнал можно подписаться. Для этого нужно написать в редакцию письмо или связаться с ней по телефону, и с этого времени Вы будете получать наши журналы по почте или лично. Цена одного экземпляра с учетом почтовых расходов 14 рублей.

Редакция работает на общественных началах. Рукописи редакцией не рецензируются, не редактируются, не корректируются и не возвращаются.

Зарегистрирован Центральным территориальным управлением Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовой информации. Свидетельство о регистрации ПИ №1-00915 от 20 декабря 2002 г. Учредитель Петрова О.Б. Цена свободная. Тираж 1000. Объем 56 стр. формата А4. Подписано в печать 15.02.04